

18+

Игорь Ярмизин

*ПОЭЗИЯ КАМНЯ: ТРОПАМИ
ПОТАЕННОГО СТАМБУЛА*

Игорь Ярмизин

**ПОЭЗИЯ КАМНЯ: ТРОПАМИ
ПОТАЕННОГО СТАМБУЛА**

«Издательские решения»

Ярмизин И.

ПОЭЗИЯ КАМНЯ: ТРОПАМИ ПОТАЕННОГО СТАМБУЛА /
И. Ярмизин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532989-9

Путешествуя по знаменитым или, напротив, совершенно нетуристическим кварталам Стамбула и его окрестностей, восстанавливая великие храмы и дворцы, саму атмосферу далекого прошлого, мы путешествуем не только в пространстве, но и во времени, и ничем не примечательная поездка обретает измерение сказки.

ISBN 978-5-00-532989-9

© Ярмизин И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ГЛАВА 1. Вместо пролога. Умершему великому гиганту посвящается	7
Глава 2. Гений места: начало Босфорской истории	12
Природа и люди	13
Из тьмы веков	14
В начале славного пути. Византий становится столицей	15
Кошки и боги	17
Боги и собаки	18
Глава 3. Крушение мира. Заря Новой эры	19
Глава 4. Исламская эра	23
Османское государство-1: жизнь как война	25
Османское государство-2: свобода в разнообразии	27
Османское государство-3: странности	29
Благотворительность	32
Как султаны с народом сближались	34
Звуки Константинополя	35
Империя, скромная и праздничная	36
Империя времени упадка	37
Глава 5. Гений места: Стамбул и его составные части	40
Ускюдар	41
Кулели	43
Кадькей	44
Бейоглу	46
Бешикташ//	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ПОЭЗИЯ КАМНЯ: ТРОПАМИ ПОТАЕННОГО СТАМБУЛА

Игорь Ярмизин

«Ибо нет места без духа»

Сервий, грамматик IV в. н. э.

© Игорь Ярмизин, 2021

ISBN 978-5-0053-2989-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Нынешний Стамбул населяет множество призраков. Императоры и султаны, юродивые и сивиллы, янычары и крестоносцы, столпники, святые, медаки в кофейнях...

Они являются нам через артефакты древности, – настоящие хранилища остановленного, законсервированного времени. В нем сокрыт и дух, и святость, и дерзание, канувшие в Лету. Извлечь их, значит увидеть многоликого гения места. Но чтобы разглядеть его надо пристально всмотреться. В этом цель нашего путешествия. Жив дух, жив гений – жив город. Если нет, они все словно мертвые.

Как утверждают современные ученые, абсолютно все, даже самые незначительные события жизни, сохраняются в нашей памяти. Хотя мы о них давно забыли. То же можно сказать и об исторической памяти. Гений места, пребывающий даже в самых ничтожных руинах, дарит нам возможность увидеть давно ушедшие миры, стать со-причастными им.

Древние дворцы и храмы по-прежнему дарят нам красоту, как истину, какой она когда-то явилась человеку. Ее отголоски можно видеть, слышать и даже обонять и осязать повсюду, – от праздника тюльпанов до мечетей, от ресторанов со старинной кухней до грандиозной панорамы падения Константинополя, посетители которой не только видят, но и наяву слышат отзвуки той великой драмы.

Гений места, отраженный в памятниках, – это ворота, через которые по-прежнему врывается в Город Мехмед Завоеватель, сжимая в руке меч Пророка, или Золотые ворота, по-прежнему ждущие второго пришествия Христа, это истово молящийся на вершине холма Даниил-столпник, или крики ясновидящей, обращенные к императору Михаилу.

Сегодня мы склонны сильно преувеличивать свободу и автономность своих мыслей и действий. И не замечаем реальность, которая окружает нас, присутствия, которое постоянно вторгается в нашу жизнь, являясь подлинным источником наших мыслей и действий. Благодаря этому присутствию, мы становимся со-звучны городу, со-причастны ему. Его гений вне времени, и неважно когда кричала безумная сивилла, тысячу лет или пять минут назад. Предлагаемая книга мыслится, как попытка сделать первый шаг на пути к осознанию материальной и временной реальности, которая окружает нас. На примере великого города Стамбула и некоторых его окрестностей.

ГЛАВА 1. Вместо пролога. Умершему великому гиганту посвящается

С. Дали Дезинтеграция постоянства памяти

Священный город Константина. Царьград. Он не раз рождался, и был на краю гибели. Его предсмертные стоны заставляли холодеть от ужаса весь христианский мир. Его закаты исполнены то величия трагедии, то печали и тоски. Это центр притяжения огромных пространств на разных континентах, а для европейцев – сияющий град на холме, исполненный святости и чудес. У него всегда было высшее предназначение, но главная, самая амбициозная цель, – стать центром конца времен – так и не была достигнута.

История священного мегаполиса началась в дыму жертвенной курильницы дельфийского оракула, сквозь который впервые проступили неясные контуры великого будущего. Посланец города Мегары по имени Виз, потомок бога Посейдона и нимфы Кероссы, участник, по утверждению хрониста Дионисия, легендарного плавания аргонавтов, благоговея, выслушал пророчество и исполнил его. Здесь, на пустынном берегу, глядя на изменчивые и бурные воды пролива Босфор, он заложил город. За послушание боги и скромный немецкий филолог Иероним Вольф щедро наградили его, – через тысячу лет крупнейшее государство на обломках античного мира, станет носить его имя. Да, это была Византия. И был Византий, история которого теснейшим образом связана с проливом Босфор, этим «коровьим бродом» в переводе с греческого. Бродом он был, разумеется, только для одной коровы в истории. Для Ио, – дочери царя Аргона Инаха, возлюбленной Зевса. Который и превратил ее в корову, чтобы спасти от преследования Геры, своей жены. Но Гера пылала ревностью. Она создала гигантского овода, который терроризировал несчастное божественное животное, гоняясь за ним по всему Восточному

Средиземноморью. Отзвуки этой драматической истории сегодня мы можем услышать в названии не только Босфора, но и Ионического моря. Оно ведь от слова «Ио». ^{1 2}

А потом на эти земли пришел Рим. И было видение императору Константину. Явился сам Господь, указав место для новой столицы. Божественное предписание было в точности исполнено. В одночасье стены, башни, храмы Нового Рима взметнулись ввысь, к небесам. Со всех концов Империи сюда свозилось все лучшее, что великие мастера создавали на протяжении веков. Так возник город-музей, город-сказка. Ушли в прошлое провинциальность и прозябание на окраинах империи. Появилась избранная самим Господом великая столица. Как когда-то неожиданно предстал пред взором изумленных народов Рим. Как потом из пустынной окраины мира, нищей Аравии выйдет один избранный. Пророк, который сплотит народы и поведет их за собой. Спустя восемь веков наследие Виза и Константина, последний оплот христиан в Азии, будет уничтожено. Но и возрождено к новой жизни. К новому блеску новой империи, но, увы, и к последующему закату, упадку, блеклости красок, тишине и запустению.

Герои тех времен совершили множество подвигов. Знаменитых и незаметных. Один из них, – спасение для нас великого наследия античности. Как позже оказалось, оно стало важнейшим фактором взлета средневековой арабской культуры, европейского Возрождения, а следовательно и начала формирования новой цивилизации, в которой все мы живем до сих пор. Трехвековое противостояние варварскому миру, волнами накатывавшему на твердыню, сбережение наследия античности стало подвигом целых поколений. ³

Эта земля была столь щедра, что давала расцвести любому, кто бы к ней ни прикасался, вне зависимости от религии или национальности. На смену Византии пришла другая великая империя, – блестящая Порта. Уже вечером победного дня 29 мая 1453 года Мехмед II Завоеватель отдал приказ о переносе своей столицы в лежащий у его ног город. Константинополь сохранит свое значение, только уже в мусульманском мире.

Империя пала. Ее Город, – в руинах, словно мумифицированный, но по-прежнему великий. Он будто бы спрашивал Мехмеда, а достоин ли ты Меня? Достойна ли твоя империя? Выдержишь испытание Мною? Ведь множество великих городов древности канули в небытие из-за того, что новые владельцы оказались недостойны их. Не смогли ни наследовать им, ни предложить новое продолжение великой истории. Свой Путь. Где та великая Антиохия? Великая Александрия? Эфес? Мехмед и его приемники приняли вызов, брошенный Константинополем, и смогли стать достойными его, предложив новый путь и новое будущее.

Но и с прошлым решено было не порывать. Мехмед II официально принял титул Цезаря Римской империи (Qayser-i Rûm), легитимность чего вскоре подтвердил глава православной церкви, константинопольский патриарх. Таким образом, де-юре Римская империя продолжила свое существование. Причем сразу в двух ипостасях. Как Священная Римская империя германской нации (рыхлое политическое образование, сумевшее, однако, продержаться более 800 лет, вплоть до Наполеона), и как колоссальная по размерам Османская империя, «протянувшая» еще больше века – до 1922 года. Удивительно, сколько людей, представлявших самые разные культуры, национальности, эпохи, пытались возродить или продлить существование Римской империи. Видимо, стоит признать, что в мировой истории не было и не будет более популярной

¹ На самом деле никакой Византии на всем протяжении ее существования мир не знал. Появилась она лишь в XVI веке, из-под пера Вольфа. Он был немец и стремился показать, что преемник Римской империи только Священная Римская империя германской нации, а государство на востоке к ней никакого отношения не имеет. Так родилась Византия. На самом деле страна была известна современникам как «империя ромеев».

² Противоположный пролив, Дарданеллы в те времена назывался Геллеспонт, море Геллы. Он тоже связан с божественными женскими мифологическими раздорами. На этот раз с царевной Геллой, которая погибла в его водах, спасаясь от преследования злой мачехи.

³ Одним из важнейших источников последнего являлись бесценные рукописи, сохраненные в монастырях, завоеванных арабами, или же скупленные в Константинополе и по всей Византии специальными посланцами халифа Багдада.

и уважаемой страны. В итоге, совместными усилиями, де-юре жизнь Римского государства, во всех его ипостасях, удалось растянуть почти на 2700 лет! ⁴

Свои притязания на престолонаследие Мехмед основывал не столько на покорении Византии, сколько на кровном родстве с прежней императорской семьей: один из его предшественников султан Орхан I был женат на ромейской принцессе. Кроме того, хотя последний император Константин XI не оставил потомков, но ему могли наследовать племянники. Почти сразу после падения Константинополя Мехмед принял их на службу. Старший стал Хас Мурадом, фаворитом султана и генерал-губернатором Балкан. Младший, – Месих-Паша, – адмиралом флота и губернатором провинции Галлиполи. Позже, при сыне Мехмеда Баязиде II, он занял пост Великого Визиря, – второго человека в Империи.

Как на небе не может быть двух Солнц, так и у Рима не могло быть двух наследников. А потому в XVI веке разразился ныне уже порядком подзабытый скандал, – турки возмутились тем, что австрийцы использовали титул «цезарь» применительно к своему императору. Столь вопиющее нарушение этикета привело к войне, по окончании которой в 1533 году был подписан мирный договор, который закрепил эксклюзивное «право на бренд» за османами.

*** **

Великая столица четырех империй – Римской, Византийской, Латинской и Османской – Константинополь всегда был, по определению Фернана Броделя, настоящим чудовищем, без усталости пожирающим овечьи отары Балкан; рис, пшеницу и бобы Египта; лес черноморских стран; верблюдов и лошадей Малой Азии. Да еще людей, десятками и сотнями тысяч затягивая в себя, как в воронку, со всех концов империи, и рабов из гигантского средиземноморского региона и России, которых продавали на громадном рынке Бешистан в самом центре Города. Он «стягивал», замыкал на себя невероятные пространства. Он много получал, но и отдавал не меньше. Житие Иоанна Акатция свидетельствует: «Все те диковинки, что в других городах можно найти по отдельности, здесь обретаются одновременно. Наш Город можно уподобить общей мастерской всей земли. Сюда свозят все, что произрастает повсюду, что-то на судах, что-то на повозках. В Константинополь стекается все, подобно тому, как все реки впадают в море». Для византийцев он был магнитом человечества, ключом Вселенной, оком Востока, семихолмным господином, светилом небесным, акрополем Вселенной, утренней звездой, святым городом и т. п. В общем, по замечанию Одо Дейльского, «во всех отношениях он превышал умеренность. Насколько он богаче прочих городов, настолько и более развратен».

А в 1920 году он стал настоящим спасением для десятков тысяч наших соотечественников, искавших спасение после поражения в Гражданской войне. Хотя в то время его население едва превышало полмиллиона человек: после Первой мировой Османская империя лишилась 60% своей территории, а ее столица превратилась в политическое захолустье с ветшающими следами былого величия. Вскоре история Константинополя завершится: в 1930 году, вместе с 1600-летним юбилеем, он сменит название на Стамбул. Еще раньше был утрачен столичный статус. Упадок продолжался долгие десятилетия. Полупустой, заброшенный город-призрак, где даже призыв муэдзина к молитве был как будто обращен не к людям, а к слепым, глухим, порядком обветшавшим домам, давно отжившим свой век. ⁵

Бродя по его глухим улочкам, кое-где до сих пор можно увидеть внушительную железную дверь с облупившейся краской, высокую и широкую, замшелую, но крепкую стену, деревянные ставни и резные балконы, и другие следы канувшей в Лету цивилизации. «Здесь некогда жили люди, немного похожие на нас, только жизнь у них была совсем другая. Эти времена давно

⁴ В конце XVII века численность ее населения составляла 30 млн. человек (в то время как во всей Европе – около 80 млн. человек), а площадь – 5,2 млн. кв. км.

⁵ Это название тоже не турецкое. Оно происходит от греческого «ис-тин-болин», т.е. «в город», что турки восприняли как «Истамбул» или просто «Стамбул».

прошли, и мы отличаемся от тех людей – по сравнению с ними мы бедны, слабы и провинциальны», – пишет коренной стамбулец, лауреат Нобелевской премии Орхан Памук.

Нынешнее богатство и возрождение города после многовекового упадка не должны вводить в заблуждение, – это блеск и могущество безличного техногенного мира постчеловеческой эры. В нем погас блеск божества, а люди превратились в «колесики и винтики» безжалостного, хотя и дарующего внешний комфорт, механизма эпохи заката нынешней цивилизации. Да, Стамбул из пластика, стекла и бетона, как раньше, деловит, суетлив, устремлен в будущее. Но все же он стал лишь одним из многих. Поправ великие руины. Без блеска и без Бога.

Правда, его душа еще живет, но все более истончается, истекая Печалью. В ней, как писал Орхан Памук, «и настроение его музыки, и чувства его поэзии, и некая субстанция жизни, – все сразу». А сколь печальна была традиционная стамбульская забава, – наблюдать за сгоравшими в пламени пожаров старинными особняками. «С ними навсегда уходила великая эпоха, которой мы оказались недостойны, и чувство вины у зрителей смешивалось с желанием поскорей перелистнуть эту страницу истории, забыть о ней и построить, наконец, в Стамбуле второсортную, бледную копию западной цивилизации».

Печаль Стамбула в корабельных сиренах, ревущих в тумане; в полуразрушенных городских стенах; в руинах монашеских обителей; в чайках, неподвижно сидящих под дождем на ржавых, обросших мидиями и водорослями бортах барж; в еле заметном дымке, поднимающемся из трубы огромного старинного особняка холодящей зимой. Она в аистах, которые, курлякая в осенней тишине, летят на юг. Сумерки года... Они оставляют позади Босфор, а стоящие внизу люди, задрев головы, провожают их взглядом. Печаль в сохранившихся еще со времен Юстиниана зоопарке, когда-то крупнейшем в мире, а ныне – участке парка Гюльхане, где в клетке сидят две задумчивые козы и три утомленные жизнью кошки. Эта печаль незримо присутствует везде, – на улицах, в людях, в тумане Босфора. Порой она становится почти видимой: куда бы вы ни посмотрели, она живет здесь, и избежать ее невозможно.

Иногда стамбульцы пытаются заглушить печаль, смотря на Босфор и подсчитывая проплывающие корабли. Каждый маленький силуэт, чернеющий среди блестящих на солнце волн, отдается в сознании. Горечь мечтательной тоски по бесконечным просторам, загадочным далям и океанской свободе вытесняет одиночество печальной заброшенности городских кварталов. Со временем эта привычка к борьбе и единству моря и города, мечты и утраты становится потребностью, и, бывая в других странах, жители Стамбула ностальгируют именно по Босфору, «где в море тонет печаль». Да еще, может быть, по своей душе, оставленной на его берегах.

*** **

Древний Константинополь. Здесь легенды и быль смешались до полной неразличимости. Здесь тишину полночной молитвы разрывает конское ржание, исходящее... от лошади, нарисованной на стене. Здесь обычные девушки вдруг оборачиваются сивиллами и пророчествуют между бушующим морем и неистовствующим ветром. Здесь император равен Богу, но почтительно благоговеет пред грязным, заросшим, почти диким человеком. Здесь безымянный затворник выскакивает из своего убежища и, схватив под уздцы коня императора, на глазах целого войска требует от монарха немедленно отказаться от арианской ереси. Здесь через полторы тысячи лет после смерти можно получить «пожизненное» с отсидкой в общей камере. Как то случилось с египетской мумией. Здесь мумия может найти свою любовь. Здесь нищие и юродивые нередко провидцы. Здесь мужчины либо бородачи, либо евнухи. Причем евнухов во дворце, по словам Константина Багрянородного, было столько же, сколько мух по весне в овечьей ограде. И сегодня этот город готов поделиться с нами своим сокровенным. Надо лишь услышать его.^{6 7}

⁶ См., например, случай Даниила столпника.

**Да что сказать, мистер.
Этот Город всегда выглядит как в последний день Карнавала.
Неизвестная местная жительница, 1878 г.**

⁷ Евнух не мог сглазить императора, у него не было жизненной силы, поэтому данный статус веками был весьма притягательным для желающих сделать карьеру.

Глава 2. Гений места: начало Босфорской истории

У истоков великого мира

Пещера Яримбургаз (800—600 тыс. лет назад). В 1,5 км от озера Кючюкчекиедже на окраине Стамбула. Красивое место с прекрасным видом на турецкую столицу. Одна из древнейших стоянок в Европе. Хозяином здесь был еще наш далекий предок хомо эректус. Племена насчитывали 20—25 человек. Жили в пещере с весны до поздней осени, а ближе к зиме уступали место медведям, которые «сменяли» людей и залегали в спячку сосать лапу. Многие века этот цикл оставался неизменным. (К сожалению, история не сохранила подробностей столь интересного симбиоза. Но, судя по всему, люди и медведи смогли договориться и обеспечить мирное сосуществование на протяжении сверхдлинного исторического цикла. Десятки и сотни тысяч лет, – намного дольше, нежели существует нынешняя цивилизация).

Природа и люди

Когда-то очень давно, когда сама земля выглядела в этих местах абсолютно неузнаваемо, а Мраморное море было всего лишь солоноватым озером, жили здесь неизвестные племена. После себя они оставили стоянки, захоронения и даже мумий в гробах. Ученые-археологи, за последние годы неплохо познакомились с этими людьми. Ничего особенного. Люди как люди. Жили, как все: мужчины охотились, женщины украшали себя и жилище всякими безделушками и раскрашивали в разные симпатичные цвета предметы утвари. Привносили, так сказать, красоту в свою пещеру. В общем, ничего удивительного, просто за последние пол-миллиона лет в этих раскладах принципиально ничего не поменялось.

А за пределами пещеры красоту человеку дарил сам мир. Причем в невиданном изобилии. Одних только видов цветов в окрестных горах было более 9000! Окруженные красотой и благоуханием, тут бродили гигантские олени и медведи, мамонты, пятнистые гиены и даже какие-то пока еще толком не изученные толстокожие. Ученые в этих местах насчитали целых 236 источников воды: обширные лагуны низин, кристальная чистота альпийских озер, шум прохладных горных ручьев, неторопливость равнинных рек. А по берегам – леса с дубами, каштанами, фисташковыми деревьями. Воздух, напоенный медовыми ароматами.

Казалось, эта идиллическая картина будет всегда. И действительно, она существовала долго, очень долго. Сотни и сотни тысяч лет. Но совсем недавно (по геологическим меркам), около 5500 г. до н.э., из-за таяния ледников уровень моря резко повысился (только за один год более чем на 70 метров) и началась подлинная катастрофа. Многие кубические километры воды обрушились на пасторальные пейзажи и уничтожили их на площади более полутора тысяч кв. км. Погибли люди, животные, целые экосистемы, изменился даже ландшафт. Но катастрофа принесла и новые возможности: появился пролив, который греки назовут Босфорским, а озера превратились в моря – Черное и Мраморное – и стали годны для развития коммуникаций с зарождающимися цивилизациями средиземноморья.

А природа, что ж она восстановилась, может быть, не как раньше, но по-своему прекрасной. Вокруг Босфора плавали гигантские киты и акулы размером с легендарного Моби Дика. Пролив на всем своем протяжении, куда только видел глаз, нередко становился серебряным от рыбьих спинок. Это тунцы по новому маршруту шли на нерест. Солнечные блики то и дело отражались от них яркими вспышками, отчего картина становилась еще более фантастичной.

Из тьмы веков

Туман истории постепенно начинает рассеиваться, но очень медленно. Тысячи лет до прихода греков, похоже, ничего особенного в этих местах не происходит. Хотя, кажется, люди здесь жили всегда. Ну, или почти всегда. Нынешние районы Стамбула когда-то были небольшими городками, полисами. Халкидон, Хрисополь, Сике/Пера/Галата... А территорию будущего ипподрома люди заселили даже раньше, чем Трою. Финикийцы, греки, римляне, генуэзцы, венецианцы, евреи, арабы, викинги, азербайджанцы, армяне, турки, – все они называли это место своей родиной. Здесь мы чувствуем себя в центре настоящей вселенной, чувствуя связь с разными мирами.

Как обычно цивилизаторским началом среди всего этого великолепного многообразия выступили греки. Отстроенный в истинно греческом стиле Византий с населением в 20 тысяч человек быстро стал центром притяжения всей округи, представленной в основном варварскими племенами. Бани, водопровод, колоннады, священные игры, праздники и многое другое для них выглядело просто завораживающе, как привнесенное с другой планеты.

Но процветание имеет и обратную сторону: оно приманивает лихих людей, захватчиков. Галлы, готы, македоняне, родосцы, персы. Да и греческие полисы, – Афины, Спарта. И, наконец, Рим. Переход от греков к персам и обратно станет не только сущностью ранней истории города, но и предопределит его дальнейшую судьбу как сплава Запада и Востока, в этой точке, как будто, вопреки Киплингу, сошедших со своих мест.

В начале славного пути. Византий становится столицей

Попытки перенести столицу Римской империи на Восток предпринимались не раз на протяжении многих веков. Еще Цезарь рассматривал как варианты Трою и Александрию. Вот и Константин решил пойти по стопам своего великого предшественника и отправился все туда же, на берега Геллеспонта, в легендарную Трою. Он много успел сделать: нашел место стоянки греков во время войны, могилу Аякса вблизи современной бухты Бешик, очертил границы будущего города и даже возвел на холме ворота. Ночью, однако, было ему видение. Сам Бог (в другом варианте Он действовал через своего посланника, ангела) повелел найти иное место, прямо указав «на Византию фракийскую».

Нужно сказать, что хотя Константин и был первым христианским императором, но он благоразумно предпочитал не складывать «все яйца в одну корзину». Поэтому его любви, почтения и веры хватило не только на Христа, но и на греческого Аполлона, троянских героев и даже на новый культ Непобедимого Солнца Востока. В честь последнего он даже назвал день недели. Название оказалось столь удачным, что и по сей день его менять никто не собирается: Sunday (Sun day, день Солнца, т.е. воскресенье). По всей империи статуи официально посвящались «Августу Константину, Всевидящему Солнцу». Каждый год, в его день рождения, на золоченой колеснице бога Гелиоса мимо трибун Ипподрома провозили скульптуру богини удачи Тихе, которую лишь немного переделали из слегка «загримированной» Кибелы (о ней речь чуть ниже). И Кибеле, и Тихе возводили отдельные храмы. А еще Юпитеру, Юноне, Минерве и, конечно, Христу. Так встретились язычество и христианство. Больше они не расстанутся никогда. Несмотря на безоговорочную победу последнего, язычество продолжит жить в символах, предрассудках, ритуалах вплоть до конца средневековья, да и позже.

Ну а Константин был весьма предусмотрителен и осторожен. Видимо по этой причине он принял крещение лишь... на смертном одре (да и то от епископа-еретика, арианина), что не помешало церкви причислить его к лику святых. Тогдашние наблюдатели, впрочем, объясняли такой поступок исключительно рационально: если креститься непосредственно перед смертью, то шансы попасть в рай возрастают многократно, ведь уже нет ни времени, ни возможности нагрешить.

Официальная церемония торжественного открытия города состоялась 2 апреля 330 г. Она началась с бескровного жертвоприношения (жертвы животных были официально запрещены в Новом Риме) и продолжалась целых сорок дней, до 11 мая. Поначалу жители немного беспокоились насчет своего благополучия в будущем, но после того как получили не только бесплатный хлеб, но и масло, и даже вино, обрадовались и принялись праздновать с утроенным энтузиазмом.

Да, были праздники и была помощь властей, но были и заботы: ежедневно простому человеку приходилось обходить по 7—8 храмов и святилищ, вознося молитвы, оставляя мелкие подношения, чтобы побудить богов моря, небес и земли к участию в своей жизни. Ведь боги, богини, полубоги и духи были повсюду и во всем, а в городе на Босфоре, «благословенном», многоликом и многоязыком, их обитало намного больше обычного. И всех нужно было задобрить, иначе удачи не видать. Отсюда и хлопотливость жизни простого византийца. Хотя, и о себе не забывали. Как писал уже значительно позже византийский историк Никита Хониат: «В Константинополь кто ни приедет – пьян будет. Здесь целыми неделями пьянствуют!».

После праздников официальный статус «второго Рима» закрепили в законе, а чтоб никто не усомнился, текст выбили на порфировой колонне, которую воздвигли на так называемом военном поле близ конной статуи самого императора. Сегодня от нее сохранился лишь небольшой фрагмент, находящийся на Гранд базаре. Цвет колонны выбран не случайно. Порфира или пурпур принадлежали исключительно императорам. Считалось, что в раю свет должен

быть именно таким, т.е. неярым, сумеречным. Удивительным образом с этим представлением перекликается современная научная теория о том, что раньше наша планета была не голубой, а пурпурной. Ибо «формы ранней жизни на Земле основывались на ретинале, а не на хлорофилле».

А город поражал современников. Во все времена. Такова была, видимо, его судьба. Все то, что после падения Рима исчезло в Европе на века, продолжало в нем жить и развиваться. Здесь были водопровод и ночное освещение, городская полиция и пожарная служба. Многие были настоящим ноу-хау. Например, впервые в мире появились больницы и гостиницы.

Кошки и боги

Нынешний Стамбул, – настоящая столица кошачьего царства. Кошек здесь, как и по всей Турции, можно встретить где угодно. Обычно такое уважение к ним объясняют особым расположением Пророка, который как-то даже отрезал полу собственного халата, чтобы отлучиться, не потревожив священный сон хвостатой особы.

Однако, котики «рулили» еще задолго до появления ислама. И тут мы опять возвращаемся к уже упомянутой могущественной и таинственной повелительнице природы Кибеле. Странному и безжалостному существу.

Далеко от Стамбула, в скалах, затерянных в безжизненной и безбрежной анатолийской пустыне, вырублены врата. Они стоят между жизнью и смертью, между нашей реальностью и иными измерениями. Жуткий переход в безмолвии вечности. И здесь мы сталкиваемся с ней, с Кибелой. Самой древней, божественной и зловещей. Ее «род» появился еще 10 тысяч лет назад в Чатал Хююке. Она – мать гор и покровительница Константинополя. В 205 г. до н.э. ее могущество признал сам Рим. Он просил защиты, когда армия Ганнибала стояла «у ворот» и судьба будущей империи висела на волоске.

Мало кто в мире мог сравниться с ней. Но даже всемогущей Кибеле нужны защитники. Ими стали... кошки. С тех пор они – сакральные животные. Еще тогда, на самой заре цивилизации, была замечена их связь с потусторонним миром. С тех пор она всегда вызывала почтение, и даже страх. Сакральная и несколько неземная часть кошачьего существа внушает уважение и поныне.

Боги и собаки

При входе в Черное море, на азиатском берегу пролива на небольшом полуострове, находился храм Иерон, который ныне скрывается под византийской крепостью Йорос. На другом берегу Босфора легендарный Ясон, перед отплытием в Колхиду построил другой храм, – земное пристанище бога Сераписа и богини Кибелы. Им приносили жертвы сильные мира сего. Например, царь Дарий перед вторжением в Скифию. Здесь же находилась глубокая гавань (ныне бухта Макар, а в эпоху античности – гавань Фрикса), последняя остановка перед длительными путешествиями.

В IV в. до н. э. у Византа появился такой могущественный покровитель как Геката. Иногда так называют Артемиду, богиню лунного света, преисподней, тайн, магии и колдовства. Ее очень почитали на Западе Малой Азии (достаточно вспомнить Эфес с одним из чудес света – храмом Артемиды). Поскольку сфера ее «ответственности» представляла собой своеобразный перекресток обычного и сверхъестественного миров, то ей в жертву приносили тех, кто сторожит земные ворота и границы, – собак. По ночам эта бледная женщина с черными волосами выходила на свою адскую охоту в сопровождении огромных псов. В честь Гекаты воздвигли статую, которая возвышалась над Босфором и называлась «Факелоносица».

А в IV в. до н. э. собаки спасли Визант, как несколькими веками раньше гуси спасли Рим. Только на этот раз от Филиппа Македонского, солдаты которого ночью попытались захватить город. Говорили, правда, что это не собаки залаяли, а богиня мрака, ночных призраков и кошмаров пришла на помощь. Она же зажгла факелы, осветив ими всю округу.

Филипп еще немного поосаждал, но уже без особого энтузиазма. «Отбив номер», пришлось уйти не солоно хлебавши. Правда, даже в этой незначительной войне Византий умудрился возвеличить свою роль второго плана. Пока папа-Филипп вел бесконечную возню с местными жителями, Гекатой, собаками и прочими сущностями, гарантирующими бесславие походу, его юный, мало кому известный 16-летний сын Александр, оставшись «на хозяйстве» впервые получил реальный опыт управления государством. Отец терпел первое в своей карьере поражение, а на родине начинался стремительный взлет его сына, одного из самых ярких военно-политических гениев за всю историю человечества.

В память о спасении Византия символы покровительницы города, богини Гекаты – ночь, звезда и полумесяц, – стали символами сначала Византийской, а позже – Османской империи. Сегодня их можно увидеть... на турецком флаге!

Глава 3. Крушение мира. Заря Новой эры

Крест вознесся над пожарищем, чтобы через тысячу лет стать поверженным

А вот в какой обстановке занималась заря славы Византийской империи. Контекст эпохи.

В 476 году командир преторианской гвардии Одоакр сверг последнего императора Римской империи и отослал знаки его власти – инсигнии – в Константинополь. Так закончилась эпоха европейской античности. Рим – «золотой якорь человечества» – канул в лету. Началась жизнь в катастрофе. Вот в каких обстоятельствах пришлось отстаивать свое право на жизнь новорожденной Византии.

Все города Италии разрушены. Милан снесен до основания. Рим лежит в руинах. Из миллиона человек, населявших столицу мира, в живых осталось едва 50 тысяч. На некогда прекраснейших площадях варварское племя лангобардов сеет хлеб и выпасает свиней. Римское право повсеместно отменено, государственная и административная системы – уничтожены.

Утонченных аристократов либо убили, либо превратили в рабов. Хозяевами земли стали варвары. При всех своих различиях, они сходились в одном, – радикальной бесчеловечности, как в поступках, так и во внешнем облике. Готы были подобны «диким зверям, сломавшим свои клетки». Лангобарды представляли собой звероподобных существ с огромными всклокоченными бородами и лицами, измазанными зеленой краской. Столь же дикими были вандалы. Еще хуже – гунны. По свидетельству Аммиана Марцеллина, «своей дикостью гунны превосходили все мыслимое. Они покрывали щеки новорожденных глубокими шрамами, чтобы на лице не росли волосы. Они уродливы, шириной своих плеч внушают ужас и их скорее можно принять за двуногих животных. Пищу они не готовят, питаюсь кореньями и сырым мясом, которое лишь согревают, положив на лошадь наподобие седла. С лошадей же они не слезают почти никогда, даже если едят или спят. Одеждой служат сшитые шкурки полевых мышей, которые они носят, не снимая, пока те не истлеют от ветхости... этот невиданный дотоле род людей, поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все».

Варварские войны с песьими головами неукротимой лавой неслись в атаку, неистово рыча и сметая все на своем пути. Они не были людьми, нет, они превращались в своих тотемных предков, диких зверей, а потому рычали по-медвежьи или лаяли, в неистовом раже вгрызаясь зубами в край своего щита. А потом, на пиру победителей пили хмельное зелье из чаш, сделанных из черепов поверженных врагов. Они были неуязвимы, свирепы,

бесстыдны, не стесненные никакими нравственными представлениями, а также весьма страстны к оргиям.

Разгромив остатки Римской империи, варвары приступили к истреблению друг друга. Война всех против всех, уничтожение государств, экономики, инфраструктуры вызвали повсеместный голод, а вместе с ним и эпидемии. Вот как выглядела Испания в описании епископа Иллирия: «На Испанию набросились варвары, с не меньшей яростью обрушились заразные болезни... Голод свирепствует столь жестокий, что люди пожирают человечину. Матери режут детей, варят и питаются их плотью. Дикие звери, привыкшие к человечине, набрасываются даже на живых и полных сил людей, не довольствуясь мертвечиной, они жаждут свежей плоти. Война, голод, болезни и звери как четыре бича неистовствуют во всем мире, и сбываются прорицания Господа нашего и пророков его».

А вот что писал о Галлии того же времени епископ города Оша: «... Немало гибло в засадах врагов, но не меньше – из-за насилия, творимого народом. Те, кто сумели устоять перед силой, пали от голода. Господин вместе со своими рабами сам оказался в рабстве. Многие стали кормом для собак, другие сгорели в домах, охваченных пламенем. В городах, деревнях, виллах, вдоль дорог, здесь и там – повсюду смерть, страдание, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожарище».

В сердце некогда прекрасного античного мира – на территории нынешней Италии – дела обстояли не лучше. Как пишет хронист Павел Диакон, «многолюдные некогда деревни и города оказались погруженными в полное безмолвие из-за всеобщего бегства. Бежали дети, бросив непогребенными тела родителей, родители же бросили еще теплыми своих детей. Если кому-то случалось задержаться, чтобы погresti ближнего своего, то он обрекал себя самого на смерть без погребения... Время вернулось к тиши, царившей до сотворения человека: ни голоса в полях, ни свиста пастуха... Земля тщетно ждала жнеца, и виноградные гроздья оставались висеть до зимы. Поля превратились в кладбища, а дома людей – в логовища диких зверей».

А вот Англия. – «Печальное зрелище! – восклицал современник. – Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных... Иные из несчастных, – продолжал он, – были загнаны в горы и безжалостно вырезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте. Некоторые отправлялись за море, громко сетуя... Другие остались на своей земле и, охваченные страхом, вверили свои жизни высоким холмам, укрепленным и неприступным, густым лесам и приморским скалам».

Но даже на фоне длительной катастрофы после распада Рима особняком стоит VI век. А в нем чудовищные полтора десятилетия 536—551 гг. Многие ученые их считают худшими за всю историю человечества!

... Все началось с сильнейшего извержения гигантского супервулкана где-то в Исландии. За полтысячи лет до этого Везувий похоронил Помпеи, но та давняя трагедия казалась лишь небольшой неприятностью на фоне развернувшегося апокалиптического действия. По свидетельству Прокопия Кесарийского, потрясенным народам явилось величайшее чудо: «весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно потеряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть».

На целых полтора года Европа и Ближний Восток погрузились в непроглядный мрак. Солнце почти исчезло, что стало очевидным свидетельством наступающего конца света; говорили, будто оно больше никогда не будет сиять, как прежде. На земле воцарились страшные холода, подобных которым не знала античность. Сегодня такое воздействие на климат вулка-

нических выбросов ученые называют «эффектом ядерной зимы». Последствия были поистине ужасны. Толпы нищих людей кутались в жалкое тряпье, жались друг к другу, пытаясь хоть как-то согреться. Но тщетно. На место цветущего праздника античности пришла ледяная пустыня. Дул нескончаемый заунывный ветер, время от времени его сменяла вьюга, и только поземка в сумерках заметала окоченевшие трупы, руины городов и едва заметные следы немногих уцелевших обитателей этих развалин.

Сегодня мы забыли, какое это страшное испытание – холод. Ужасно, но к нему невозможно привыкнуть. К голоду еще можно, а к холоду – нет. Только подчиниться. Он проходит через тебя насквозь, не задерживаясь, и помутневшее сознание чувствует его каждой клеточкой, каждым органом, каждым миллиметром замороженного словно бревно, но по-прежнему пронзаемого болью организма, который еще недавно был Тобой. От Тебя же не осталось ничего. Одни инстинкты. И то самые примитивные. Надо выжить. Но как? Главное – не дрожать. И не терять надежду.

О, эти страшные зимы тех лет... Сошедший по весне снег обнажил жуткую реальность: в городах и селах, по одному и целыми группами повсюду валялись неубранные трупы. Ночью их обглаживали одичавшие собаки и забегавшие из леса, ошалевшие от холода и бескормицы волки.

Результатом беспрецедентных заморозков стал тотальный неурожай и голод, угрожавший окончательно стереть с лица земли род человеческий. Вскоре к нему добавился еще один всадник Апокалипсиса – мор. Точнее, чума. Начавшись в Египте, она очень быстро достигла Константинополя, после чего распространилась по всей тогдашней ойкумене. Вымерло от трети до половины населения Византии, поэтому чуму называли Юстиниановой, по имени тогдашнего императора ромеев. В иные дни только Константинополь лишался 10 тысяч жителей. Живые хоронили мертвых и беспомощно шептали строки из Откровения Иоанна Богослова: «Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух... Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера... От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей...».

А вот что пишет о той чуме очевидец, – известный историк Прокопий Кесарийский, волею судеб оказавшийся в Константинополе:

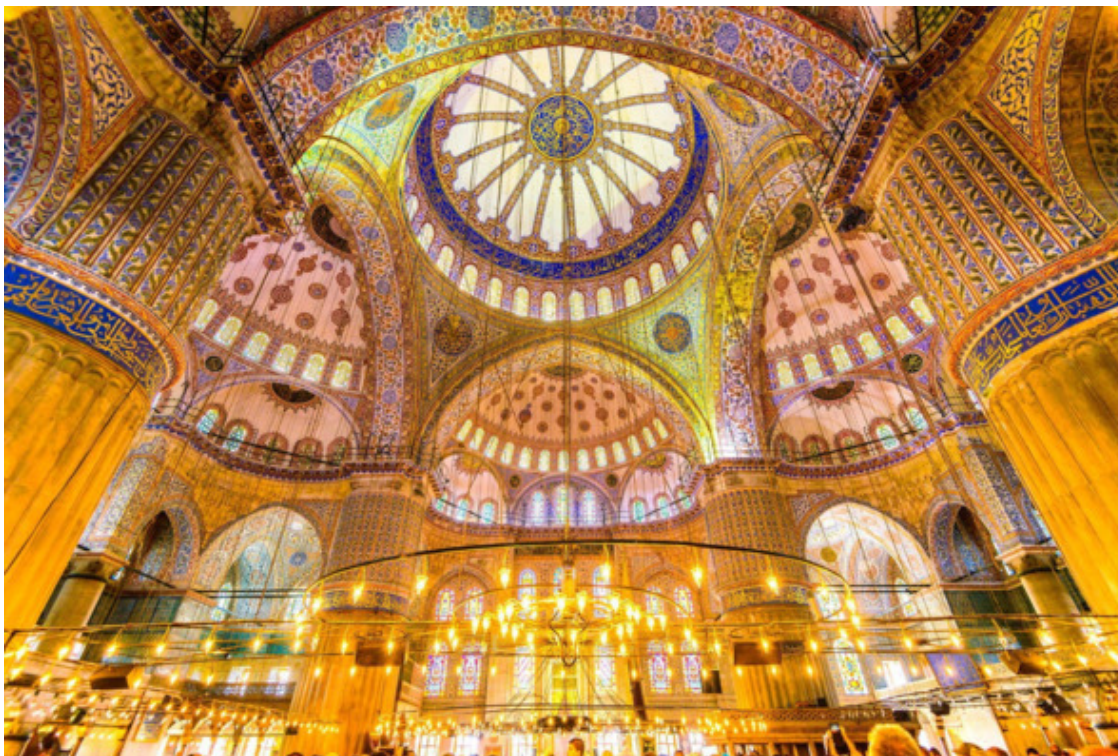
«Когда все прежде существовавшие могилы и гробницы оказались заполнены трупами, а могильщики, которые копали вокруг города во всех местах подряд и как могли хоронили там умерших, сами перемерли, то, хоронившие стали подниматься на башни городских стен. Подняв крыши башен, они в беспорядке бросали туда трупы, наваливая их, как попало, и наполнив башни, можно сказать, доверху этими мертвецами, вновь покрывали их крышами. Из-за этого по городу распространилось зловоние, еще сильнее заставившее страдать жителей, особенно если начинал дуть ветер, несший отсюда этот запах в город». Торговля прекратилась, ремесленные мастерские закрылись. Город обезлюдел. Следом за вспышкой болезни пришел голод.

«В это время трудно было видеть кого-либо гуляющим по площади. Все сидели по домам, если были еще здоровы, и ухаживали за больными или оплакивали умерших. Если и доводилось встретить кого-нибудь, так только того, кто нес тело умершего. Всякая торговля прекратилась, ремесленники оставили свое ремесло. В городе, обычно изобилующем всеми благами мира, безраздельно свирепствовал голод».

Впрочем, природные катаклизмы вовсе не остановили войн. Жизнь шла своим чередом. Та же Византия, несмотря на голод, мор и отсутствие Солнца, на западе вела яростные битвы с готами, а на востоке – с сасанидским Ираном. Франки завоевали Южную Бургундию и Прованс. Привычно бесчинствовали гунны...

Всего же за несколько лет только от чумы погибло более 100 миллионов человек, на территории Ближнего Востока – 66 миллионов, в Европе – 25 миллионов. Византия лишилась половины населения, Константинополь – 2/3. Даже отдаленная Ирландия была опустошена, в ней погибло не только множество граждан, но и короли и святые. В 540 и 547 годах опять произошли мощнейшие извержения вулканов с эффектом, аналогичным 536 году. Хаоса добавили землетрясения, одно из которых в 539 году полностью уничтожило Антиохию.

Глава 4. Исламская эра

Голубая мечеть, Стамбул

Мы ищем и находим в Стамбуле следы великого византийского прошлого, и все же он уже больше половины тысячелетия мусульманский город. Был и остается им. На каждом шагу мы сталкиваемся с наследием Османской империи. Малоизвестной большинству из нас цивилизации, о которой стоит сказать несколько слов.

Мехмед II Завоеватель в 1453 г. уничтожил Второй Рим, как тысячу лет назад варвары уничтожили Первый. Но в обоих случаях гибель великих, но порядком обветшавших империй дала жизнь новой эпохе.

Османская империя. Загадочная и таинственная даже для современников. Европейцы с их иерархией аристократии не могли понять, как может существовать государство, в котором нет наследственных привилегий, где имущество чиновников – вплоть до великого визиря – после их смерти возвращается во владение государства. Где султан обладает абсолютной властью над каждым человеком. «Да они все рабы!», – восклицали в один голос послы и путешественники. Отчасти это верно, но в таком рабстве не было ни позора, ни унижения. Султан и сам был сыном рабыни, и в то же время сакральной личностью. Подобно Христу, он соединял в себе два начала. Можно ли унизиться, подчиняясь воле самого Пророка? Так что звание раба султана не только не бесчестье – это самая великая честь, какой мог похвастаться житель Османской империи.

Подданные были, в сущности, большой и послушной семьей монарха. «Судьба и счастье их поистине зависят от него самого. Все они рабы одного хозяина, от которого только и получают награды и богатство и который, с другой стороны, один волен наказывать их и предавать смерти – стоит ли удивляться, что в его присутствии и в соперничестве друг с другом они способны на изумительные свершения? Они подбирают людей, как мы подбираем себе лошадей. Именно поэтому они властвуют над другими народами и с каждым днем расширяют границы своей империи. Нам такие идеи не свойственны; у нас способностями высокого положе-

ния не добиться; все определяется происхождением; благородное происхождение – единственное условие для того, чтобы сделать карьеру».

Благодаря тщательно разработанной системе отбора, люди, занимавшие значимые посты на всех этапах иерархии, сочетали в себе знание простой жизни (их набирали в деревнях, нищих местечках, маленьких городках) с природными талантами и трудолюбием. И они обеспечивали колоссальное конкурентное преимущество Порты в период расцвета.

Так что турецкие султаны еще в XV веке прекрасно понимали, что «кадры решают все»! Они были единовластными правителями, и тем не менее свои важнейшие решения принимали, опираясь на религиозно-государственную доктрину, в частности, идею о Круге Благоденствия. Она заключается в следующем:

Чтобы владеть страной, правитель должен иметь войско и верных людей;

Чтобы иметь войско, он должен распределять богатство;

Чтобы иметь богатство, ему нужны богатые подданные.

Богатство подданных растет только там, где чтут закон.

Если одно из этих условий не соблюдается, значит, не соблюдаются все четыре;

Если не соблюдаются все четыре, государство рушится.

Османское государство-1: жизнь как война

Добавим к этому, что вся страна на протяжении веков представляла из себя единый военный лагерь. Даже школьник превосходно умел обращаться с копьем и луком, владел приемами борьбы. Каждый чиновник был готов в любой момент оставить свой кабинет и вскочить в седло. Обычные люди знали, как научить лошадь ржать по команде или зубами поднять с земли упавшую саблю и передать ее всаднику. Который через мгновение уже несся галопом и метал копье с такой силой, что оно пробивало лист железа. Обернувшись назад, наездник стрелял из лука по движущейся мишени, выпуская с величайшей меткостью три стрелы в секунду. Даже в XIX веке, когда империя находилась в стадии распада, а турецкий султан носил сюртук и говорил по-французски, он без труда с семисот метров положил стрелу между ног американского посла. Просто так, на спор. Чтобы тот не сомневался в османских султанах.

Империя воевала всегда. Война была ее сутью, смыслом существования. Но неудержимое стремление к расширению диктовалось вовсе не примитивной жадностью обогащения. В основе ее лежало распространение ислама, и, как следствие, спасение людей, стран и народов, принесение на эти земли мира. Т.е. любая успешная война приближала наступление «золотого века» для все большей части человечества. Ведь спасутся только правоверные! Проблема была в том, что ровно такой же точки зрения придерживались христиане. Они тоже хотели освободить «таких славных людей», страны и народы от наваждения, «волшебства кудесника», как говорил султану Египта плененный во время крестового похода Людовик IX. Так что компромисса здесь быть не могло.

Чтобы добиться успеха, османы поставили в строй всех или почти всех. Даже сумасшедшие были объединены в отдельный полк. Обычно его использовали как живой таран, поскольку «жалеть чокнутых» никому и в голову не приходило. Хотя и во вполне нормальных добровольцах для выполнения смертельно опасных заданий недостатка не было. Как отмечалось, «на войну они идут с великим воодушевлением; многие вызываются идти вместо своих соседей, и те, кого оставляют дома, чувствуют себя несправедливо обиженными. Они утверждают, что лучше умереть на поле боя под градом стрел и копий врага, нежели дома, под слезы и причитания старух». Неожиданный мир вызывал роптание, ибо лишал жизнь смысла. Больные приказывали нести себя на войну в постелях, грудных детей привозили в люльках.

Эти люди на сто процентов следовали призыву Ницше, разнесшемуся над полями Европы спустя столетия: «Вы должны возлюбить мир, как средство для ведения новых войн. И короткий мир больше долгого. Мой совет вам – не работа, а сражение. Мой совет вам – не мир, а война. Вы говорите: хорошо ли это освящать войну? Я говорю вам: хорошая война освящает все. Война и храбрость совершили больше великих дел, нежели любовь к ближнему. Восстание – это доблесть раба. Вашей доблестью да будет повиновение! Для хорошего воина „ты должен“ звучит приятнее, чем „я хочу“. Итак, живите своей жизнью повиновения и войны! Что пользы в долгой жизни? Какой солдат хочет, чтобы шадиди его!».

Так и османы «в бою никогда не проявляли ни малейшей заботы о своей жизни; ... долгое время обходились без хлеба и вина, питаясь ячменем и запивая его водой». Это были настоящие конкистадоры Востока.

Военная организация пронизывала весь быт. Самая быстрая в мире курьерская служба – от системы конных этапов до скороходов, передвигавшихся пешком с изумительной скоростью. Невероятная для того времени система снабжения, благодаря которой армия в походе могла обеспечивать себя, не опустошая земли, через которые проходит. Всеобщий учет и контроль. Стандартизация всего – от шатра в лагере до системы финансирования войн и каждого бойца за счет раздачи земельных участков.

Темпы строительства даже по нынешним временам были фантастическими. Так мост через небольшую реку Саву великий визирь Ибрагим в 1526 году построил за четыре дня, – притом, что его инженеры уверяли, что на это уйдет три месяца! Столько же времени потребовалось для наведения переправы через реку Прут. В августе 1570 г. начали рыть Волго-Донской канал, чтобы прорваться в Каспийское море и выйти в тыл Персии. Потом, правда, забросили. Но к октябрю, всего за пару месяцев, успели вырыть почти треть! Был проект строительства Суэцкого канала, чтобы «захватить все порты Индии», и много чего еще.

Всего за пару дней, после того как войско Кара-Мустафы подошло к стенам Вены, был разбит лагерь, «столь совершенный и стройный, что людям, стоящим на стенах австрийской столицы, казалось, будто турки воздвигли рядом с их городом свой собственный». Но Вена создавалась тысячу лет, а османский город затмил ее величие за пару дней. Он совсем не напоминал современный военный лагерь. Так перед входом в резиденцию Кара-Мустафы был посажен роскошный сад, а сама она, сотворенная из шелка, хлопка и драгоценных ковров, величием не уступала любому дворцу.

Осажденные, пораженные внезапно возникшим величием, начали столь активно проявлять свой интерес к османам, что коменданту пришлось их даже строго предупредить. Особенно жительниц Вены, которые так и норовили превратить серьезное мероприятие – войну – в смесь базара и цирка-шапито. Но те все равно разными путями выбирались из города, чтобы заняться меновой торговлей с османами. Так что активный торг на разных языках в любых, самых неожиданных местах стал неотъемлемой чертой этого лагеря-города. Благодаря ему, тогда впервые Европа познакомилась с кофе, а война приобрела дополнительное и весьма неожиданное измерение ярмарки и инноваций.

Гуси, как известно, спасли Рим, Константинополь – собаки, а Вену – пекари. Ранним утром, стоя у своих печей, они услышали, как турки роют туннель, и предупредили об этом военных. Те приняли контрмеры. Впоследствии, чтобы увековечить это событие, венские хлебопеки придумали маленькую булочку в форме турецкого полумесяца, ныне всем известную как круассан.

Войну, однако, принято было вести в теплое время года. С октября по апрель горы и моря закрывались, как базар на ночь, и империя впадала в спячку. Но не полностью. Во дворцах не прекращалась напряженная подготовка к новой войне. «Мир, как средство для ведения новых войн»...

Османское государство-2: свобода в разнообразии

Это была поистине великая страна. В период расцвета ее площадь превышала 5 миллионов кв. км. В то время как вся Европа покрылась замками, здесь их почти не строили: для «Земли мира» (так называлась территория империи, в противоположность остальной ойкумене – «Земле войны») в них не было необходимости. И еще долгое время человек мог путешествовать по ней свободно, не зная границ, виз и прочих ограничений. Правда, иностранцам иногда приходилось получать дополнительные документы. Так в 1814 году Генри Холланду Али-паша выписал паспорт, в котором имелось обращенное к чиновникам предписание: «Поступай по сему, иначе будешь пожран Змеем». Документ был чрезвычайно действенным.

Империя, конечно, была страной турок, однако большинство ее сановников и военачальников, равно как и солдаты лучших частей ее армии, были балканскими славянами. Церемониал был византийским, титулы – персидскими, письменность – арабской, а богатство обеспечивал Египет. Ее лучшими моряками были греки, самыми успешными коммерсантами – армяне и евреи.

Если османам нравился чей-либо закон, они просто включали его в свой кодекс, так что начальник стражи на Хиосе получал жалованье, источником которого был налог на проституток, – точь-в-точь как его предшественник-генуэзец.

С точки зрения европейцев того времени, в империи царила почти невероятная веротерпимость. И столь же невероятная разнородность. Целая Вселенная народов и культур. Как отмечает Д. Гудвин, по самым скромным подсчетам, османы правили тридцатью шестью народами, из которых бедуины были самым непокорным, греки – самым хитрым, египтяне – самым культурным, сербы – самым порочным, а венгры – самым склочным. Албанцев же было просто описать каким-нибудь одним словом, столь обширно было их представительство среди пиратов, бандитов, головорезов, мошенников.

Но не только криминал. Албания. Заброшенный европейский угол. Непрístupные горы. Совершеннейшая бедность, можно сказать, нищета. Жалкие лачуги, населенные албанскими блохами, которыми местное население гордилось как «самыми большими и толстыми в мире». В общем, по мнению современника, «албанцы не имели ничего, кроме силы собственных рук». Эти «дети гор» были настолько неискушенными, что так и не смогли сделать выбор в пользу какой-то религии и к XVIII в., окончательно запутавшись, на всякий случай ходили по пятницам в мечеть, а по воскресеньям в церковь.

Но вместе с такой простотой у них было пять алфавитов (!), в одном из которых насчитывалось 50 букв. «Без каких бы то ни было математических знаний и инструментов они возводили акведуки, при этом измеряя высоту гор и расстояния куда точнее, чем это мог бы сделать ученый-геометр, и выносили правильные суждения о запасах воды и ее качестве. Когда их спрашивали, в чем секрет их мастерства, они не понимали, о чем идет речь, и ничего не могли объяснить». Столь же сверхъестественными были их хирургические способности, ибо они могли оперировать страшные рваные раны и за короткое время ставить пациентов на ноги. Не удивительно, что множество албанцев занимали высокие должности в строительной отрасли, медицине, государственном аппарате. Внутри Империи существовало «международное» разделение труда. Болгары лучше всех разводили лошадей. Никто не управлялся с верблюдами лучше кочевников Аравии. Никто не стирал одежду чище, чем жители деревень в окрестностях Кастамону, и нигде не делали бумагу лучше, чем в Константинополе. Здесь же в отдельном квартале жили лучшие погонщики мулов. Цыгане учили медведей танцевать, предсказывали судьбу, готовили магические зелья, пели на свадьбах, работали в кузнях и торговали лошадьми.

Османами не рождались, а становились, проходя через государственные школы, где учились всем нужным наукам, умению подчиняться и языку, столь высокопарному, что только сами они были в состоянии на нем разговаривать.

Жители империи верили, что на пути к этому «османскому становлению» человек может преодолеть и дурную наследственность, и национальную ограниченность. Поэтому никто не осуждал Ибрагима, могущественного великого визиря Сулеймана Великолепного, второго человека в Империи времени ее расцвета, когда он, весь роскошный и холеный, вел под руки через город старого, пьяного матроса-грека. Это был его отец, который часто появлялся у особеняка сына в изрядном подпитии, чтобы тот отвел его домой и дал «на опохмел». Люди не осуждали, а одобряли Ибрагима, не пытались разглядеть в нем пороки отца, а напротив считали, что существующая система воспитания помогла избавиться от них, как и вообще от дурной наследственности.

Османское государство-3: странности

Казалось бы, Османская империя была абсолютно ортодоксальной. С непререкаемым авторитетом ислама. Но в повседневной жизни все было не так просто.

Когда в Афинах долго не выпадал дождь, турки шли в гору, к древнему храму Зевса и совершали там молитву. Если не помогало, они пригоняли отару, разводили в стороны ягнят и овец, после чего начинались «всеобщие громкие мольбы, возносимые самыми жалобными голосами». Параллельно овцы душераздирающе блеяли, что, по замыслу, должно было «усилить действие молитвы и разжалобить небеса». Но когда дело принимало совсем скверный оборот, приходилось обращаться с просьбой «замолвить словечко» к обитавшим в пещерах и развалинах под Акрополем неграм-язычникам, у которых, как известно, со всеми богами были хорошие отношения.

Кроме того, к вызову дождя привлекались... камни. И действительно, на полях стояли странные древние камни, чьи целительные свойства почитались решительно всеми, вне зависимости от веры. Мусульмане, христиане, язычники, жившие в окрестностях Скопье, знали, где зарыт камень с надписями. Им также было известно, что, если его вырыть, пойдет дождь, который никогда не кончится. В новолуние афинские девушки оставляли у реки на тарелках мед, хлеб и соль, шепча про себя заклинания, разумеется, по поводу привлечения «красивого молодого мужа». Как утверждали знатоки древности, на этом месте некогда стояла статуя Афродиты, а потому у подобных просьб шансы на успех значительно возрастали. Были храмы, посвященные христианским святым, которые почитали не только обычные мусульмане, но даже духовные лица.

Странное разнообразие, разумеется, не ограничивалось сакральной сферой. Все дома были «рассчитаны исключительно на лето, а приход зимы, похоже, всегда оказывается неожиданностью. Обитатели дома набиваются в одну комнату, обогреваемую железной печкой или открытой жаровней, а прочие помещения, которые нельзя обогреть, остаются пустыми».

Внутри дома османы всячески избегали прямых линий и замкнутых пространств. При всей своей храбрости на поле боя они боялись темных углов, поскольку там собирались злые духи (так же как и у стоячей воды). Поэтому в углы они ставили низкие диваны или загораживали их буфетами, а то и совсем срезали, делая дверные проемы.

Дома все имущество было сложено в мешки, развешанные на крюках: ведь все слишком плоское, неподвижное или прямое несет на себе знак смерти, печать вечного покоя. Даже прямые вопросы считались грубостью, даже прямая похвала влекла за собой риск сглаза. Стоило чужестранцу похвалить какую-нибудь вещь, и он тут же получал ее в подарок. Все, на ней сглаз, как проклятье. Теперь она принесет тебе несчастье.

А вот еще странности. На этот раз «плавсредства». Отправляясь на промысел, рыбаки усаживались с веслами втроем на один борт у самого носа. «Результат их работы должен бы сводиться к хождению лодки по кругу, и не случается так лишь благодаря противодействию старика, который сидит на корме и рулит веслом. Это один из самых удачных за всю историю человечества способов впустую расходовать силы и получать минимальный результат при максимальном приложении труда».

1599 год. Обычный рейс обычного судна, которое собирается причалить к турецкому берегу. Вот как описывает события, происходившие на его борту английский коммерсант Джордж Сандис. Сначала греческая команда сообщила, что за ввоз вина полагается смертная казнь, а потому они его попросту выпили. Дальше – больше. «Капитан то спит мертвецким сном, то вскакивает, полный энергии, и начинает проявлять свой вспыльчивый нрав; находящийся на корабле слепец рассекает тростью воздух и падает за борт; капитан, внезапно пробудившись, падает за борт».

дившись к жизни, начинает размахивать направо и налево абордажной саблей, и вся команда, спасаясь от него, прыгает в море». Вот такой обычный рейс, и обычная команда...

Три столетия спустя, в 1906 г. знаменитый ученый Дж. Ф. Фрезер подметил свою порцию странностей: пишут задом наперед, водят бревном по пиле; офицеры салютуют солдатам, и даже кондуктор в автобусе компостирует на билете название остановки, на которой вы сели, а не до которой едете...

Но, пожалуй, самую интересную особенность подмечает посол Священной Римской империи при Сулеймане Великолепном Ожье де Бусбек. Она касается отношения человека и животных. Казалось бы, что тут может быть странного? Ан нет.

Приехав на место, Бусбек обнаружил, что в его апартаментах живут горностаи, змеи, ящерицы и скорпионы. И это никого не удивляло. Бусбек, оправившись от шока, со временем так привязался к «соседям», что расширил зоопарк, заведя даже свинью, «чье соседство, по мнению конюхов, весьма полезно для лошадей». Невероятное «семейство» мирно сосуществовало, хотя куропатки вечно путались под ногами и клевали его атласные тапочки.

Но тут начались странности. Романтичная рысь влюбилась в одного из сотрудников миссии, и, когда тот уехал, зачахла от тоски. Не успел Бусбек отойти от разбирательств и тревожений, связанных с этой историей, как самка венценосного журавля воспылала нежными чувствами к испанскому солдату, которого он когда-то выкупил из рабства. Она повсюду следовала за ним. А когда он уходил, стучала в дверь клювом, искала его, испуская пронзительные крики. Завидя вернувшегося испанца, «бросалась к нему навстречу с распростертыми крыльями. И как будто мало было всего этого, она приобрела привычку спать под его кроватью, где в конце концов снесла яйцо».

Говоря о животных в Стамбуле, обычно вспоминают кошек. Конечно, они тут настоящие хозяева. Но стоит упомянуть и собак. Легенда гласит, что они вошли в Константинополь вместе с турками в 1453 году. И с тех пор вели вольготную жизнь, днем посапывая на солнышке, а ночью деловито воя на луну. Кстати, кошки тоже днем отдыхали, а вечером в назначенный час, как по команде появлялись на улице, – в это время их кормили. После чего начиналась ночная жизнь. В отличие от Европы, она шла весьма активно у кошек, собак, людей...

Исторически так сложилось, что к ночи у мусульман было значительно более терпимое отношение, нежели у христиан. По пустыне путешествовали ночью, и движением караванов управляла Луна (турки называют утреннюю звезду Керван-Кыран, что значит «прерывающая путь каравана»). Так что самый страшный для мусульман час наступал не в полночь, а в полдень. В этот момент дьявол поддевал мир своими рогами и готовился унести его прочь, но ему мешал сделать это возглас «Аллах велик!», который неслучайно раздавался с минаретов через несколько секунд после полудня.

Собачки, надо сказать, были довольно мирными, и кусались крайне редко. (Может быть, благодаря тому, что, как отмечает один автор, «мировоззрение у османских собак было, надо полагать, довольно консервативным»).

Они были весьма привязаны к своему кварталу и никогда не пересекали определенную границу, даже когда «обгавкивали» прохожего – «проводжали его до конца своих владений и передавали соседней стае». Весьма доставалось янычарам и другим военным. Ведь давно подмечено, что собаки очень не любят униформу, они радикально анти-униформичны. Завидя служивого, они тут же начинали лаять. Ибо «не верили в униформы, и были преданы этой своей вере».

По подсчетам, в конце XIX века в Константинополе жило 150 тысяч собак. Помимо положенного вечернего угощения многие люди покупали для них потроха, которые специально для них продавали торговцы в разнос.

Турецкая столица была вне сомнения великим городом, ибо здесь даже собаки вели себя по-джентльменски. Они чинно восседали на своих местах и даже не пытались проникнуть

в ресторан или магазин, дабы поживиться чем-нибудь. Это было ниже их достоинства. А когда один иностранный терьер убежал из отеля, где проживал с хозяйкой, великодушные четвероногие взяли над ним шефство и даже отбили у соседней стаи, когда он, не зная особенностей местного «административного деления», перешел невидимую границу. Сопровождаемый «эскортом», вскоре он в целости и сохранности был доставлен назад в отель.

В те же годы в городе обитала собака настолько тощая и длинная, что все звали ее Сарой Бернар. Однажды она тяжело заболела, и один европейский врач вылечил ее. «С тех пор она чрезвычайно привязалась к нему, не уставала всячески выражать свое восхищение его врачебным искусством» и даже отвела его за полу плаща полюбоваться своими новорожденными щенками, сидевшими в коробке за углом.

В целом отношение турок к бродячим животным (даже «нечистым», с точки зрения религии) достойно всяческого уважения. Так, когда одна французская компания предложила полмиллиона франков в обмен на разрешение пустить столичных собак на перчатки, султан, несмотря на крайнюю нужду в деньгах, ответил возмущенным отказом.

И еще несколько свидетельств о взаимоотношении человека и животных «на туретчине»:
– в XIX веке, вскоре после того, как Греция получила независимость, английский поэт Эдвард Лир обнаружил, что турецкий приграничный город Ларисса кишит аистами, желавшими эмигрировать в Османскую империю, поскольку греки на них охотились;

– вблизи константинопольского Ипподрома было специальное место, где птиц выпускали из клеток на волю;

– некий житель Сиваса учредил в своем городе благотворительный фонд, единственной задачей которого было кормить птиц, когда выпадает обильный снег.

Все это касается взаимоотношений животных с обычными людьми. Про святых – суфиев – и говорить не приходится. С ними разговаривают даже лягушки, а крокодил со слезами на глазах уступает свою добычу. Если вдруг звери прекращали беседовать со святым и игнорировали его, то он это воспринимал как свидетельство очень серьезного просчета, тупик в поиске духовного пути. И прибегал как минимум к покаянию, а то и более радикальным мерам.

Благотворительность

Вплоть до XVII века западные путешественники часто отмечали такую странность как полное отсутствие нищих в Империи. В дальнейшем они появились, но всегда оставались добропорядочными людьми и даже создали собственный цех, дабы сохранить свое место в обществе. В XIX веке Элиот вспоминал безногого нищего, обитавшего в Тарабье на берегу Босфора: он приветствовал прохожих элегантно поклоном и «с достоинством принимал подаяние, которое ему, благодаря его убедительным речам, всегда подавали в избытке». Говорили, что он скопил немалое богатство. Осенью, когда дипломаты покинули Тарабью, он тоже уехал, взяв билет первого класса до Митилены, чтобы провести там зиму с одиннадцатью своими слепыми сестрами.

Сегодня мы пребываем в уверенности, будто гражданское общество – плод демократии, а все остальные формы государственного устройства исключают его, оставляя место одной лишь тирании. Но это далеко не так. Гражданское общество Османской империи было весьма влиятельным, и составляющие его братства, цеха, тайные религиозные организации и торговые партнерства постепенно сплелись в сеть взаимной помощи и поддержки. Важную роль играли миллениаристские настроения, подготовка к концу времен и последующему раю на Земле, который ожидался в самом ближайшем будущем.

О солидности экономической базы гражданского общества говорит хотя бы тот факт, что почти треть земель огромной империи не подлежали налогообложению, будучи собственностью благотворительных фондов – вакфов. Это, видимо, мировой рекорд. «Благотворительность, – сказал поэт Джами, – подобна мускусу, который можно найти, даже если он спрятан, ибо его выдает аромат благодарности». ⁸

*** **

Милосердие благотворительности, однако, не отменяло жестокость времени. Подобно европейцам, Восток во времена расцвета Империи не знал полутонов.

Так Селим I был грозой «красноголовых», – шиитов Восточной Анатолии, – и истреблял их тысячами. А как иначе, если они носили красные тюрбаны и считались угрозой для государства. Один паша, прозванный Мясником, уничтожал еретиков всюду, где встречал, прямо на месте, без всяких судов. В напряженнейшем 1526 году, когда после битвы при Мохаче наконец удалось сломить сопротивление Венгрии, султан Сулейман тоскливо запишет в своем дневнике: «Проливной дождь. Казнено две тысячи пленных». Опять скучно. Хорошо хоть пленные под рукой были, а то и вовсе хоть волком вой с тоски.

В битве, писал Критовул, османские воины «безжалостно рубят врага на куски, атакуют и защищаются, наносят и получают раны, убивают и умирают, кричат, изрыгают богохульства, едва ли понимая, что происходит вокруг и что они делают, словно безумцы».

Но неистовство боя, бескомпромиссность схватки проходили, сменяясь обыденностью жизни, И солдаты моментально становились безобиднейшими людьми, к тому же весьма уживчивыми.

Характерным проявлением милосердия служит отношении турок к воде. Вода в исламе считается даром Аллаха. Поэтому важно, чтобы ни люди, ни животные не испытывали в ней недостатка. Отсюда такое изобилие ее источников от роскошных фонтанов по всей Империи до маленьких площадок для собак и кошек. А в камнях до сих пор долбят лунки, чтобы в них скапливалась вода для птиц. При строительстве фонтана необходимо было, однако, соблюдать правило: не вырезать на нем свое имя. Ибо как гласит известная поговорка: «Делая добро, бросай его в море, но так, чтобы и рыбы того не видели. Тогда Аллах благословит тебя».

⁸ Джами – великий персидский поэт и суфий XV в. Жил на территории совр. Афганистана.

Как султаны с народом сближались

Удивительно, но божественное могущество, трансцендентная власть, воплощенная в султанах, окруженном тишиной тайны и величия, время от времени прерывалась самым странным и неподобающим образом: султан отправлялся «в народ». Преимущественно ночью. Инкогнито. Причем это были не выходы одинокого эксцентрика, а настоящая традиция.

Мехмед Завоеватель, бродивший по базару и готовый убить любого, кто узнает его; Сулейман Великолепный в форме кавалериста-сипаха, Мехмед IV в лохмотьях дервиша... Последнего как-то настолько потряс интеллект случайного собеседника, простого пекаря, что уже на следующее утро хлебопек стал великим визирем. А Селим I и вовсе возвысил местного алкаша, уверенно показавшего ему дорогу в рай, проходящую, разумеется, через горлышко бутылки. Его превзошел Мурад IV, подружившийся с неким Бекри Мустафой, которого впервые увидел на рынке «валяющимся в грязи и мертвецки пьяным». Новый «кореш» обучил его «искусству бухать». Султан так втянулся в это дело, что выпустил беспрецедентный в истории исламского мира указ, легализовавший продажу и употребление алкоголя даже для мусульман. Одновременно он запретил кофейни и табак.

Как свидетельствуют очевидцы, когда Мустафа помер от алкоголизма, горе султана не знало предела, и он впал в запой. «После его смерти султан приказал всему двору облачиться в траур, и похоронил его тело с большой пышностью у кабака. После его кончины султан объявил, что он никогда больше не познает веселья, и всякий раз, когда имя Мустафы упоминалось в его присутствии, на глазах у него показывались слезы и он глубоко вздыхал». Закончилось алкогольное раздолье предсказуемо печально: поймав «белочку», Мурад «словно безумец, бегал по улицам босой, в одной рубахе, и убивал любого, кто попадался ему на пути. Часто, стоя у окна, он стрелял из лука в случайных прохожих».

Звуки Константинополя

Константинополь всегда был переполнен самыми разными звуками. Вой собак, хлопанье крыльев птиц, голоса спорщиков, предупреждающие крики носильщиков, звон монет на рынке, бульканье кофейника на базаре, песня лютни, вопли неотесанного мужлана, извинения христианина. Плевки верблюдов, хлопанье влажной рыбы в корзине, стук деревянных башмаков, пение обедни, звон анатолийских цимбал, марши военных оркестров, вопли сумасшедшего. Крики уличных торговцев, разносчиков овощей и фруктов, медников и водоносов. Утренние возгласы продавцов молока и йогуртов.

Мелодичное позвякивание металлических кружек продавца шербета. Бидон с напитком носили за спиной, наливая через длинную тонкую трубку, спускающуюся через плечо. «Дестур» – «осторожно», – предупреждали о своем приближении носильщики, согнувшиеся под тяжеленным грузом. На перекрестках слышались зычные голоса глашатаев.

И, конечно же, повсюду с высоких минаретов неслись призывы к молитве. Даже петухи, как отмечали наблюдатели, не кричат здесь традиционное «кукареку», а подражают голосу муэдзина с долгим понижением интонации. Что вполне реально, если принять во внимание удивительные способности этих птиц, о которых говорит с другого конца континента выдающийся китайский чань-буддист XX века Сюй Юнь. Как-то в монастыре он пристыдил задиристого петуха, провел с ним ряд душевспасительных бесед. Через некоторое время птица перестала бессмысленно кукарекать, а стала важно вышагивать, то и дело покрикивая «Фо, Фо, Фо» («Будда» по-китайски). Т.е., выходит, петухи подстраиваются под религиозно-культурные особенности данной местности.

Как подмечали наблюдательные гости турецкой столицы, даже воздух Константинополя был настолько напоен жизнью, что если подбросить кусок съестного, шансы на то, что он вернется на землю, не превышали одного к десяти.

Империя, скромная и праздничная

Как мы уже отмечали, империя постоянно воевала. Причем, в большинстве случаев, успешно. А значит, были великие победы, герои, полководцы... Парадокс в том, что в их честь не воздвигли ни одного памятника. Пусть ислам запрещает человеческие изображения, но нет ни обелисков, ни триумфальных арок, никаких следов воспевания победной поступи страны, превознесения своего величия. За века. Совершенно ничего. Может быть, поэтому сегодня для нас эта империя кажется эфемерной и почти нереальной.

Пример такой скромности подали ее основатели, Осман и Орхан. Они пировали вместе со своими боевыми товарищами, лично следили за подкованностью скакунов, а одевались так, что иностранцу, попавшему на похороны матери Мурада II, пришлось интересоваться у соседей, – кто же в толпе присутствующих султан?

Но скромность вовсе не означала, что османам был чужд разгул праздничного веселья. Когда отмечался какой-нибудь военный успех, базары порой не закрывались на ночь целую неделю. Да и после окончания дневного поста в Рамазан, весь город бурно веселился. Катались на качелях-лодочках, украшенных листьями, цветами, гирляндами и мишурой. Под музыку и перезвон колокольчиков. Возводили праздничные арки, устраивали борцовские поединки, стреляли на дальность из лука, метали копья. Размах празднеств иногда принимал просто эпические масштабы. Так, в 1638 г. перед султаном Мурадом IV торжественно прошли представители семисот тридцати пяти константинопольских цехов:

«Все они проезжают на повозках или идут пешком, держа в руках инструменты, присущие их ремеслу, и с великим шумом выполняя свою работу. Плотники сколачивают деревянные дома, каменщики возводят стены, лесорубы несут бревна, а пильщики пилят их, меловщики вырезают куски мела и белят свои лица, показывая тысячи трюков... Проходят пекари, занимаясь своим ремеслом; некоторые из них пекут и сразу бросают зрителям маленькие буханки. Кроме того, они испекли специально для этой процессии огромные караваи размером с купол бани, посыпанные кунжутом и фенхелем, – их везут на повозках, которые тянут по семьдесят – восемьдесят пар волов... Все эти ремесленники проходят перед султаном, показывая свое мастерство и исполняя множество трюков, которые невозможно описать, а следом идут их шейхи, сопровождаемые юношами, которые играют восьмитактную турецкую музыку.

Цеха проходят один за другим, забрасывая зрителей дарами: тамариндами и амброй, конфетами и мелкой рыбешкой; проходят и могильщики с лопатами и мотыгами в руках, интересуясь у зрителей, на каком кладбище вырыть им могилы». В процессии участвовали даже воры, нищие и сумасшедшие. За ними – строго по иерархии – следовали владельцы таверн в масках и далее – евреи, тоже в масках. Однако же «в роскошных одеждах, украшенных драгоценными камнями. Они несут хрустальные и фарфоровые сосуды, из которых наливают зрителям sherbet».

Империя времени упадка

После блестящего века Сулеймана Великолепного все пошло под откос. Султаны резко разлюбили войну. 30 лет ни один из них и носа не казал на поле боя. Когда новый правитель Мехмед III решил возобновить традицию, его отговаривали всем двором. Не помогло. Тогда его мать уговорила девушку необычайной красоты, в которую султан был страстно влюблен, попросить о том же. Увы, любовь внезапно обратилась в ярость, и красавица осталась лежать в благоухающем саду с кинжалом в груди. Султан все же пошел на войну, но лишь, чтобы лично лицезреть, как в Венгрии войска принца Евгения в клочья разрывают его некогда непобедимую армию.

Этого оказалось достаточно, и в последующие годы правления султан предавался праздной жизни. Его преемник был еще более миролюбивым. Он как-то поразил диван предложением перенести войну на следующий год, мол, уже поздно, да и дорого. Такое попросило высших традиционных ценностей было просто невероятно. Казалось, сейчас небеса рухнут на землю. Вельможи потеряли дар речи. Перенести войну!!! Это просто неслыханно. А султан преспокойно погрузился в удовольствия гарема, куда сводница-еврейка Эстер Кира поставляла толстых негритянок. Правда, все же не таких выдающихся, как у Ибрагима Безумного, в гареме которого была настоящая звезда, – армянка Шивекар-султан, весившая полтора центнера!

Парадокс: первые десять султанов от Осман-бея до Сулеймана были воинами, всю жизнь проводившими в сражениях. Средний срок правления – 27 лет. Следующая десятка поле боя в большинстве случаев видела только на картинках, но правила в среднем вдвое меньше – 12 лет. Каждый второй был свергнут, а двое – убиты. Прозвища монархов говорят сами за себя – Безумный, Пьяница и пр.

Раньше принцев нещадно убивали, поскольку в Империи отсутствовал принцип первородства, и на власть могли претендовать все. Так что, для поддержания внутренней стабильности в стране, приходилось устраивать настоящую резню. Точнее, удушение шелковым шнурком, ибо пролитие крови принцев было запрещено. В «Своде законов Османской династии», это страшное правило формулировалось так: «После того как Аллах дарует одному из моих сыновей султанат, следует ради сохранения порядка в падишахстве умертвить его братьев. Большинство улемов объявили это допустимым. Соответственно надо и действовать».

Братьев больше не убивали, а вместо этого стали держать в маленьких комнатках (т.н. клетках) на случай, если место султана станет вакантным. Такое решение было одинаково плохим как с точки зрения управления государством, так и по гуманистическим соображениям. Быструю смерть заменили медленным схождение с ума. В результате псих на троне стал нормой. Еще бы: Осман III прожил в Клетке, среди бесплодных женщин и глухонемых, пятьдесят лет, Селим III, – пятнадцать, Сулейман II – тридцать девять. Помимо явных психических отклонений, у них была нарушена речь, сознание стало мерцающим, а из всех желаний доминировало одно, – вернуться обратно в свою клетку. Этой просьбой новоиспеченные султаны постоянно донимали придворных.

Обстановку во дворце, царившую во время упадка и последующего распада государства, можно представить хотя бы по следующим фактам. Селим III в 1807 году был убит начальником собственной стражи. Абдул-Азиза свергли в 1876-м, несколько дней спустя он перерезал себе вены ножницами. Спустя 8 лет, в том же самом дворце, его преемник, несчастный Мурад V, был официально объявлен мертвым. Ему предстоит прожить покойником еще 20 долгих лет. Его брат, султан Абдул-Хамид II покинул проклятое место, и перебрался во дворец Йылдыз. Не помогло. Мучимый ночными кошмарами, он никогда не расставался с револьвером и пил кофе в обычном кафе, специально построенном во дворце, только вместо посетителей сидели его охранники. Самодержавный властелин годами мечтал об одном: выйти, как

обычный, заурядный турок на улицу, купить газету, сесть за столик в кафе. Но такое удовольствие ему было недоступно, и приходилось играть в реконструкцию своей фантазии. За ограду дворца он выходил крайне редко, и даже «султанскую» мечеть построили сразу за воротами.

Занимать высшие посты в Империи всегда было опасно, а стало – смертельно. Великие визири не расставались с завещаниями, которые носили за пазухой. Появилось даже проклятие: «Чтоб тебе быть визирем султана». Шансы высшего чиновника на выживание оценивались один к десяти, – меньше, чем у солдата в самом кровавом сражении.

Новые дворцы лишь «переняли эстафету» от Топкапы. В нем испокон веку разворачивались страшные сцены. Так, в 1651 году валиде Кёсем было уже 80. Мать двух султанов и величайшая мастерица дворцовых интриг, прежде всегда выходившая победительницей из схваток с врагами, ослабла. Расплата не заставила себя долго ждать. Ее нашли в личных покоях, под грудой одеял. Сорвали все украшения, разорвали одежду, стали душить, долго, страшно, неумело и мучительно. Потом вернулись, чтобы добить... Ужасная весть мигом облетела дворец, и все как будто сошло с ума. Придворные тут же забыли турецкий язык, на котором говорили десятки лет, и покои огласились дикими воплями на албанском, грузинском, боснийском, итальянском и еще множестве неведомых языков. С придворных слетел тонкий лоск культуры, и они моментально вернулись к истокам детства своего и человечества, к первобытным инстинктам. Все кричали, и никто не понимал другого, да и не старался понять. Беспомощность ужаса, как предвестие краха.

*** **

Признаки и призраки распада Империи являлись в самых разных, как сейчас говорят, «кейсах». Подчас весьма диковинных. Вот, например, одна из самых могущественных семей Кёпрюлю. Династия воинов и государственных деятелей. Некогда прославленных. Увы, их потомки стали полной противоположностью. Взять хотя бы Нумана Кёпрюлю, которого извела муха, сидевшая, как ему казалось, на кончике его носа. Целыми днями он боролся с ней, пытаясь прогнать. Но назойливое насекомое улетало и вновь возвращалось. Страшная напасть. На избавление от нее были мобилизованы все врачи Константинополя. Тщетно. Тогда призвали французского врача Ле Дюку, который пошел на хитрость. Он авторитетно заявил, что муха есть, и весьма зловредная. Потом дал выпить каких-то микстур, «а затем аккуратно провел по носу пациента ножом, словно бы срезая насекомое, после чего продемонстрировал мертвую муху, которую заблаговременно припрятал в руке. Нуман-паша немедленно признал ее, видимо, за время борьбы запомнив насекомое в лицо. Он закричал, что это действительно та самая мучительница, и внезапно исцелился».

И еще о мухах и упадке. Человек, посланный в Иерусалим, чтобы расследовать странное поведение тамошнего муфтия, которого изводил собачий лай и жужжание насекомых, с изумлением обнаружил, что муфтий вовсе не одинок, и тут «весь город занят ловлей мух, коих нанизывают на длинные нитки, дабы проще было подсчитать».

*** **

Надвигался век прогресса. Империя ему сопротивлялась, все боле погружаясь в болото провинциальности и запустения. Предложить альтернативу новой цивилизации она не смогла, как, впрочем, и никто другой по сей день. Увы, не всегда на смену устаревшему и «плохому» шло новое и «хорошее». Приведем высказывание англичанина Огастеса Слейда: «До сих пор османец не платил правительству ничего, кроме скромного земельного налога, хотя порой и сталкивался с вымогательством, которое можно уподобить налогу на имущество. Он не платил десятину, поскольку исламское духовенство жило на доходы от вакфов. Он ездил, куда хотел без паспорта, не имея дела ни с таможенными чиновниками, ни с полицией. Его жилище было неприкосновенно. У него не отнимали сыновей, чтобы забрать их в армию, пока не началась война. Его честолюбие не было ограничено ни происхождением, ни материальным положением: начав с самых низов, он мог дослужиться до звания паши, а если умел читать – то

до должности великого визиря. Его способности открывали ему дорогу на высшие этажи власти. Разве не эти самые преимущества так ценимы свободными нациями?».

Наступил XX век. Вместе с ним пришло поражение в Первой мировой, распад Империи, потеря большей части земель, оккупация ряда территорий, в том числе Константинополя, отречение султана, появление русской армии на Босфоре, только вовсе не в ореоле славы, страшные межнациональные столкновения, трагедии, равных которым Империя не знала за всю свою многовековую историю, и в конце концов печаль серой неопределенности, с которой богатый Стамбул смотрит в общее будущее заблудившейся цивилизации.

Глава 5. Гений места: Стамбул и его составные части

Стамбул состоит из 39 округов, которые подразделяются на районы, делящиеся, в свою очередь, на кварталы. Последних насчитывается более тысячи. Бывает, их названия повторяются, да и в целом многослойная топонимика города уходит в глубь веков и весьма запутанна. Ниже мы приведем краткие описания наиболее богатых событиями и достопримечательностями округов.

Стамбул, центр города

Ускюдар

По преданию, сын Агамемнона и Хрисеиды, пленницы из Трои, Хрис, бежал от гнева своей мачехи Клитемнестры. Он отправился искать сводную сестру Ифигению, которая спасалась от гнева их общего папы. Родитель был зол и настойчив, а потому она в поисках убежища добежала аж до Крыма, где устроилась жрицей в храме Артемиды. Все бы ничего, но обязанности жрицы ей пришлось совмещать с киллерством. Она убивала странников. К счастью, Хрис так и не узнал этого, поскольку подхватил лихорадку и умер на берегах Босфора. Славя чистоту братской любви, греки назвали поселение, где он скончался, Хрисополем (ныне Ускюдар). Начиная с афинского полководца Алкивиада (500 г. до н.э.), а также при персах и других завоевателях оно играло важную роль в жизни всей округи, поскольку здесь находилась таможня, и собирали дань с кораблей.⁹

В 324 г. в окрестностях Хрисополя император Константин разгромил войска претендента на престол Лициния, убив до 25 тысяч человек, в основном, наемников-готов. После чего стал правителем и Востока, и Запада империи. Позже район переименован в Скутари, а в дальнейшем – в Ускюдар.

*** **

Стамбул необъятен. Но если вы хотите ухватить взглядом как можно большую часть его, то вам сюда, в Ускюдар, на самую высокую точку города, – вершину холма Чамлыджа (Çamlıca tepesi). Добраться можно на метро до станции Kisikli или на пароме. А дальше шесть километров от пристани. Их можно преодолеть на автобусе или долмуше, но если для вас это «всего шесть», можно отправиться в путь пешком. Вверх по тихим, узким улочкам нетуристического Стамбула.

Вершина, помимо прекрасных видов на город и Босфор, одарит вас прохладой и запахом хвои в сосновом лесу парка Чамлыджа. Бродя по его тропкам и дорожкам, неожиданно можно увидеть даже Принцесы острова, хотя до них целых 16 километров. Они словно плывут в тумане, лишь слегка возвышаясь своими пиками над дымкой.

Не столь давно на правом склоне холма появилась огромная мечеть имени президента Эрдогана. Это целый комплекс, в который входит музей турецкого и исламского искусства, библиотека, художественная галерея и даже зачем-то бомбоубежище. Следование канону тут совмещается с модерном, и даже имам поднимается в михраб для проповеди... на лифте. В общем, любителям и знатокам современной религиозной архитектуры и искусства рекомендуется.

*** **

В водах пролива напротив Ускюдара на крошечном островке находится Леандрова (Девичья) башня. Первое строение здесь было возведено еще в V в. до н.э. уже упомянутым Алкивиадом.

С островом связаны сразу две похожих легенды: турецкая и греческая. Может быть, в каждой своя правда, ибо они сильно разнесены во времени. Греки рассказывали о юноше Леандре, который полюбил прекрасную Геро, жрицу Афродиты. Она дала обет безбрачия, а потому встречаться приходилось тайно. Каждую ночь он переплывал Босфор, ориентируясь на огонь, который зажигала Геро. Но однажды на море разыгралась буря, и сколько девушка ни поднимала свой фонарь, Леандр сбился с пути и утонул. Его бездыханное тело наутро волны вынесли на берег, прямо к ногам любимой. В отчаянии Геро поднялась на башню и бросилась в бурное море.

⁹ Этот обычай переживает века. О кровавом культе Скифской Дианы – Артемиды Таврической, – в храме которой «тавроскифы» приносили в жертву чужеземцев, писали многие историки, вплоть до средневековья.

Прошло почти 2000 лет. Турецкий султан безумно любил свою единственную дочь Михир-Шихил (Солнце красоты). Она была действительно молода и прекрасна, но была одна проблема. Ей еще до рождения ясновидец напророчил смерть до 18 лет от яда змеи. Чтобы обмануть судьбу, ее заперли на маленьком островке. Так и жила она, лишенная обычных радостей и невзгод, в роскоши и одиночестве. И вот заветные восемнадцать! На День рождения отец послал ей вазу с фруктами. Открыв подарок, она упала замертво от укуса гадюки, забравшейся в вазу. (В другом варианте, правда, ей удалось выжить. Влюбленный в нее персидский принц, переодевшись женщиной, проник на запретный остров и самоотверженно высосал яд из раны. После чего они поженились).

Этот крохотный островок играл важную роль в обороне города. Здесь был закреплен один из концов знаменитой цепи, перегораживающей пролив (второй конец находился у Серайского мыса, где когда-то высадились первые поселенцы из Мегар). Чтобы блокировать проход кораблей неприятеля просто поднимали цепь. Устройство служило веками, вплоть до последних дней Византии.

Хотя в состав города Ускюдар официально был включен только в 1543 г., но здесь издавна сходились множество дорог, формировались караваны и собирались паломники для хаджа в Мекку. Здесь же находилась и конечная точка Великого Шелкового Пути.

Кулели

Севернее небольшого залива Çengelköy, в районе Кулели, примерно на месте нынешнего большого здания военной школы Kuleli Askeri Lisesi, одного из самых известных военно-учебных учреждений Турции, находился монастырь Раскаяния. Его построила в VI в. императрица Феодора, жена Юстиниана. Сюда свозили проституток, на которых время от времени устраивались облавы. Прокопий Кесарийский так описывает это заведение: «На том берегу пролива, по правую руку плывущим в Эвксинский Понт, был прежде дворец; устроили в нем великолепный монастырь для женщин, раскаивающихся в прежней своей жизни. Здесь, получив возможность заниматься делами благочестия и служением Богу, они были в состоянии вполне очиститься от прегрешений своей развратной жизни». Но вот что пишет тот же Прокопий «не для печати», «Собрав более пятисот блудниц, которые торговали собой посреди площади за три обола – только чтобы не умереть с голода, – и отправив их на противолежащий материк, Феодора заключила их в так называемый монастырь Раскаяния. Некоторые же из них ночью бросились с высоты и таким путем избавились от нежеланной перемены в образе жизни». Феодора в принципе по молодости занималась тем же самым, и любая ее забота о добродетели, да еще в таком добровольно-принудительном порядке, оставляет стойкий привкус ханжества и лицемерия.

Кадыкей

Название района переводится как «деревня кади», т.е. территория, которая была отдана кади (судье). В глубокой древности он назывался Халкидон, в котором, по мнению дельфийского оракула, жили «слепые». Напротив них Виз и основал город. «Слепые», однако, тоже в этих местах не были аборигенами. Просто память об их предшественниках уже успела истлеть. Как показали раскопки, ранее, в течение двух тысячелетий (!) здесь существовал финикийский порт. Был он ну очень давно, в 5500—3500 гг. до н.э.

Некоторое время городом владели персы, которых выбил Александр Македонский. В то время Халкидон был знаменит, в первую очередь, храмом Аполлона и оракулом в нем.

Отношения с соседями из Византии не всегда складывались гладко. Как-то Халкидон даже восстал против его власти, но потерпел поражение, и был разрушен. Камни отправили на сооружение акведука Валента, где их можно видеть по сей день.

В 73 г. до н.э. в этих местах, бывших в ту пору окрестностями Халкидона, Митридат VI Понтийский разгромил римлян. Было убито 4000 пехотинцев и потоплено 70 кораблей. А спустя три века, во время гонений Диоклетиана, произошло еще одно значимое событие: здесь казнили местную жительницу Евфимию. Позже она стала святой покровительницей района.

В храме, который возвели над ее могилой, в октябре 451 года проходил 4 Вселенский (Халкидонский) Собор. Собрание было весьма представительным: 500 епископов, император Маркиан и его блаженная супруга Пульхерия. За год до этого в возрасте 51 года она, наконец, вышла замуж, возведя своего единоверного на трон, но предварительно взяв с него клятвенное обязательство ни при каких обстоятельствах не покушаться на ее девство.

На Соборе, правда, отсутствовал папа Лев I. По уважительной причине. На тот момент не прошло и четырех месяцев после одной из самых кровавых битв мировой истории – сражения на Каталаунских полях. Где в течение всего одного светового дня погибло от 180 до 300 тысяч человек. Некоторые народы после нее прекратили свое существование. Сеча закончилась победой римлян и их союзников, и все же у папы были более чем веские основания отказаться от участия в Соборе: Атилла был потрепан, но не разбит. Более того, он заявил: «Кто может пребывать в покое, если Атилла сражается, тот уже похоронен!». Его армия в то время привычно бесчинствовала где-то в центре Европы, и Лев предпочел готовиться к новой битве с адским войском.

Собор впервые закрепил иерархию христианских церквей. Рим стал первым, а Константинополь – вторым. В «большой пятерке» значились также Антиохия, Александрия и Иерусалим. Впрочем, они вскоре падут под натиском арабов.

Дополнить свое знакомство с Кадыкеем можно, прогулявшись по Гюнешлибахче, – самой «вкусной» улице города. Практически напротив пристани Кабаташ, всего минутах в пяти ходу находится этот «солнечный сад». Именно так переводится ее название. Это даже не сад, а целый гастрономический рай. Чего тут только нет... Рыбный рынок, магазины по продаже морепродуктов, меда, оливок, сыров и множество других продуктов. Причем торговля специализированная, что подразумевает в каждой лавке десятки, а то и сотни видов одного товара на любой вкус. Даже уксуса!

Вот под названием «Brezilya kurukahve» заведение, недавно отметившее свой столетний юбилей. Тут можно купить чай и кофе не только из Бразилии, как следует из названия, или Турции, но и со всего мира. В соседних зданиях расположены сразу три ресторана со схожими названиями – «Çiya Кебар», «Çiya Кебар-2» и «Çiya Sofrası». Их объединяет принадлежность одному владельцу – Мусе Дагдевирену. Знаменитый кулинар, о котором писали ведущие газеты мира, соединил в себе две, казалось бы противоположные идеи: с одной стороны, он определяет себя как «кулинарный антрополог», т.е. собирает рецепты блюд со всей Тур-

ции, чтобы угостить ими посетителей, а с другой, – неустанно экспериментирует, изобретая все новые угощения. За такую смесь новаторства и традиции «Нью Йорк Таймс» назвала его «кулинарным Индианой Джонсом».

По количеству и качеству гастрономических заведений, собранных в одном месте, Гюнешлибахче смело можно отнести к городским достопримечательностям.

Несколько лет назад их число увеличилось, – на углу улицы Фахреттин Керим Гекай и переулка Гюлеч появился памятник обычному коту по кличке Томбили, т.е. «Пухлик». Всю жизнь он обретался в этом переулке, и «столовался» в местном кафе, а в свободное время с достоинством возлежал у бордюра, опершись на лапу, и задумчиво наблюдая за городской суетой. Неожиданно для себя и окружающих, котик стал звездой интернета, прославившись своей невозмутимой серьезностью. Он не просто отдыхал, а имел при этом вид, как минимум, мэра города. По просьбе горожан 4 октября, в день памяти Франциска Ассизского, покровителя всех животных, Томбили поставили памятник. В дальнейшем его украли, но потом вернули на место, – даже асоциальные вору устыдились содеянного после широкого общественного порицания. Такая вот любовь к котикам.

Бейоглу

Округ расположился на горе. Раньше он назывался Пера, т.е. «вне». Гора никому особенно не была нужна, и на ней устроили кладбище, а позже – виноградники. В этом идиллическом месте французский посол де Жирноль и построил свою виллу. Тем самым, как оказалось, положив начало новой традиции. Сюда стали переселяться потомки состоятельных горожан. От них и произошло название «Бейоглу», т.е. «сын господина».

Сегодня, гуляя по этому району, может почудиться, будто ты находишься не в восточном городе, а в итальянском палаццо. Это Стамбул европейцев: итальянцев, французов и даже русских. Он всегда был подлинно интернациональным. Помимо европейцев, здесь с 1492 года живут изгнанные из Аль Андалуса (Испании) мусульмане. Здесь же находится крупнейшая синагога Стамбула Неве Шалом и Турецкий раввинат.

Наиболее, пожалуй, известная часть Бейоглу – район Галата. Начало человеческой истории в этих местах скрыто в седой древности. Уже апостол Андрей, пришедший в эти края для проповеди, нашел весьма густозаселенную местность. Местные жители стали его первыми последователями, им он назначил епископа, первого пастыря Константинополя – Стахия, из числа 70 учеников Иисуса. Апостол до сих пор считается покровителем Константинопольской православной церкви.

Галата во все века оставалась «городом в городе», пусть даже всего лишь предместьем, где с византийских времен жили в основном генуэзцы. Это был настоящий порто-франко, гостеприимно встречавший моряков со всего света. Турки называли его «городом франков». У европейцев были свои пристани, пакгаузы, магазины, мастерские, банки, склады, торговые конторы и конечно же, таверны и кабаки. Это был основной торговый район города.

Жители Галаты всегда пользовались привилегиями. Например, проживавшие здесь дипломаты получили право привозить свиней на Сырную седмицу и забивать их на месте. Такое нарушение местных религиозных канонов, разумеется, не афишировали, поэтому свиней гнали по улицам к посольствам ночью, при свете редких факелов. Страшный грех, почти преступление. Тем притягательнее порок. И не только для европейских посланников. Высокопоставленные османские чиновники не упускали случая приобщиться к «хараму» со стола западных коллег. На котором запретную свинину органично дополняли горячительные напитки. Многие единоверцы, разумеется, гневно осуждали подобное падение нравов. А в ответ слышали всевозможные оправдания. Муфтий Алеппо, например, заявил, что запрет не распространяется на почтенных мужей, которые знают, когда следует остановиться. А один старичок, поднося ко рту бокал с вином, всякий раз принимался истошно вопить, чтобы «предупредить свою душу, что ей следует удалиться в какую-нибудь укромную часть его тела, дабы не участвовать в преступлении, которое он собирается совершить».

Впрочем, район был не слишком плотно застроен. В нем нашлось место для многочисленных пастбищ. Но в 1267 году генуэзцы в благодарность за поддержку Византии в борьбе с Латинской империей получили право взимать дань с проходящих судов. Тогда, собственно, и началась новая история Галаты. Ее не прервал даже Мехмед II, который после взятия Константинополя, запретил грабить этот район, и он остался нетронутым. А генуэзцы получили возможность беспрепятственно отплыть на родину. После чего их место немедленно заняли венецианцы.

Главная доминанта округа, конечно, Галатская башня. Ее построили в 1348 году, как донжон внутри крепости, центр обороны района. Завершение строительства совпало с началом пандемии Великой чумы, – одного из самых страшных событий в человеческой истории. Ее, кстати, завезли сами генуэзцы. Из Крыма. Транзитом через Константинополь. Они еще не знали, что везут на своих кораблях катастрофу для целого континента, потери от которой

превзойдут Вторую мировую войну. Досталось не только Западу, но и византийской столице, – от чумы умерло множество людей, включая даже сына императора Иоанна, тринадцатилетнего Андроника.

А флотилия эта вскоре превратится в летучих голландцев. На родине, в Генуе вместо радостных приветствий по ней открыли огонь, вынудив вернуться в море. Еще долго приговоренные заживо пытались причалить хоть куда-нибудь. На них смотрели со страхом и ужасом, как на живых мертвецов, смертельно опасных для всех окружающих. Так и носились по воле ветра корабли. Все на них оставалось по-прежнему: груз, бытовые вещи, предметы роскоши, деньги, даже команда была на своем месте. Только мертвая. Вскоре «летучие голландцы» в водах средиземноморья стали обычным явлением.

Но шло время, мощных стен давно уже нет (их повелел снести еще Мехмед II), а уцелевшие ворота нынче встроены в мечеть Azap Kapı Camii, около моста Ататюрка. Рядом, на Eflatun Çikmazi, на углу Tersane Cad. и Cıvahir Çikmazi, сохранились отдельные участки стен. Остатки башни, к которой крепилась знаменитая цепь, перегораживающая пролив, можно видеть в мечети Yeralti Camii, примерно в 200 м от Галатского моста. В ней также похоронены два араба-мученика, коллеги вышеупомянутого Аюба, погибшие во время осады 674—78 гг.

А в 1632 году с Галатской башни стартовал один из самых первых воздухоплателей в истории. Изобретатель по имени Хезарфен Ахмет Челеби прыгнул с нее и полетел как птица... При помощи орлиных крыльев оригинальной конструкции, он перелетел через Босфор (3,5 км) и благополучно приземлился в азиатской части города. До того он уже совершил 8 или 9 полетов в районе современного округа Шишли, постоянно совершенствуя свой летательный аппарат. После чего последовал успех. Отважный инженер произвел тогда фурор, сам султан принял его во дворце и подарил кошелек золота. Но позже, как говорят, под влиянием советников и религиозных авторитетов, настроение монарха изменилось, и он изгнал талантливый и отважный новатор. Который умер в алжирской эмиграции, не дожив до 32 лет.

Не менее талантлив был и его брат Лагари Хасан Челеби. В 1633 году он создал настоящую ракету. В качестве «ускорителя» использовалась огромная пушка, установленная на мысе Сарайбурну. После чего при большом скоплении народа состоялся первый полет, продлившийся 20 секунд. Пилот поднялся вверх метров на 300 и, отделившись от ракеты, при помощи крыльев специальной конструкции, благополучно спланировал в воды Босфора. Его судьба была идентичной брату: краткий миг славы, кошелек с золотом от султана, после чего ссылка на окраину, в степи северного Причерноморья. Да, в блестящий век инженерная и техническая мысль Империи была на самом высоком уровне. Увы, она осталась невостребованной, и вскоре изобретения и изобретатели были забыты. Ибо сама идея прогресса считалась богохульной, поскольку, согласно Пророку, «всякое нововведение есть ошибка, а каждая ошибка ведет в адское пламя».

Но если что-то не сделаете вы, за вас сделают другие. Так устроен мир. Поэтому спустя 170 лет, в октябре 1802 г., два англичанина поднялись над городом на воздушном шаре. После благополучного приземления в Галате, их радостно приветствовали изумленные зрители, в числе которых был сам султан Селим III, который поинтересовался, как выглядит Город с высоты. «Между небом и землей не бывало и не будет подобного зрелища», – учтиво ответили пилоты.

Ниже Галатской башни, на перекрестке улиц Galata kulesi sok. и Kart çınar sok, сохранилось самое старое гражданское здание города, – резиденция подеста, т.е. главы района. Она построена еще во времена Данте, в 1316 г. На соседних улочках также можно встретить множество старинных итальянских домов. Об этих кварталах три века спустя оставил свое мнение османский путешественник Эвлия Челеби: «На самом берегу моря стоят, тесно прижавшись друг к другу, около двухсот публичных домов и таверн, в каждом из которых от пятисот до шестисот негодяев проводят свое время в удовольствиях и вместе с музыкантами и певцами

устраивают такой шум, какой не описать ни на одном из языков... Сказать „Галата“ – это все равно, что сказать „таверны“. И да простит нас Аллах!».

Сегодня, чтобы увидеть город с высоты птичьего полета не обязательно махать крыльями, подниматься на воздушном шаре или даже ракете. Для этого можно воспользоваться такой увлекательной новацией как Миниатюрк, – Стамбул в миниатюре. На 6 гектарах парка расположены точные копии 135 самых знаменитых исторических зданий и сооружений в масштабе 1:25. Не забыты дороги, корабли, человечки и даже самолеты в аэропорту – в общем, макет максимально приближен к реальности. Можно даже прогуляться по Босфорскому мосту или воспользоваться для перемещения железной дорогой с паровозиком.

Ну и еще один большой плюс, – парк помогает увидеть огромный город в целом, с высоты птичьего полета, не пытаясь в уме составить эту картину из тысяч отдельных кусочков мозаики. К тому же здесь собраны достопримечательности не только Стамбула, но и других городов Турции. Например, представлена реконструкция одного из чудес света – храма Артемиды Эфесской или горный монастырь Сумела в Трабзоне.

Расположен Миниатюрк по адресу: ул. Имрагор Каддеси, 7.

В районе находится и самая туристическая улица города – Истикляль (Независимость). До прихода к власти Ататюрка она носила название Гран де рю Пера, и в начале 1920-х годов была эпицентром жизни «русского Стамбула». Здесь наши бывшие соотечественники открыли множество коммерческих заведений, некоторые из них быстро превратились в эпицентр жизни русской диаспоры. Но об этом чуть дальше.

Бешикташ// Синанпаша, Ортакей, Йылдыз,, Куручешме

Название происходит от слов «пять камней» по-турецки. Именно столько камней поставил знаменитый адмирал Хайреддин Барбаросса для швартовки своих кораблей. Округ неразрывно связан с флотом и мореплавателями. От древних греков до османов и немецкого «Гебена». Морская история нашла свое отражение даже на административной карте. Как, например, район Синанпаша, названный в честь главнокомандующего флотом империи в середине XVI века, который жил и похоронен здесь.

Синанпаша

Рядом с пристанью находится парк Барбаросса, с мавзолеем знаменитого пирата, возведенным в 1542 г. архитектором Синаном. Адмирал, нужно сказать, еще целых 12 лет имел возможность навещать свою могилу, он умер только в 1554 г. (адрес: Barbaros Hayrettin Pasa Neukeli, близ мечети Синанпаша, примерно 500 метров на север от дворца Долмабахче).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.